

Марина
Андреева

В
е
д
ь
м
и
к
н
и
г
а
а

Марина Андреева

Ведьмина книга

«Издательские решения»

Андреева М.

Ведьмина книга / М. Андреева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743328-4

Мистика — нечто вымышленное. Так ли это? Или что-то существует, но мы не готовы прозреть? И как быть тем, кто, оказавшись за гранью, осознал, что привычная реальность — всего лишь миф? Открытие принесло с собой многочисленные испытания. Если бы на их месте очутились вы, удалось бы вам вопреки всему добиться желаемого, устоять перед немалыми соблазнами и остаться собой?

ISBN 978-5-44-743328-4

© Андреева М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Рождение звезды	8
Глава 2. Сказка – быль...	16
Глава 3. Кардинальные перемены	27
Глава 4. Отголосок прошлого	34
Глава 5. Нереальная реальность	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ведьмина книга

Марина Андреева

© Марина Андреева, 2018

ISBN 978-5-4474-3328-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Невозможно остаться равнодушным при виде такой красоты. Ровная, словно нарисованная, чаша озера. Песок на берегу неестественно белый, вода – хрустально прозрачна. Непуганая рыба беззаботно плещется возле самого берега. Под слабыми порывами ветерка лениво пробегает по водной глади мелкая рябь. Поскрипывают, гудят вековые сосны. Многие десятилетия не ступала здесь нога человека. Вокруг не то, что дорог торных, даже тропок нет. Зовётся это место Нойта Ярви, что означает Ведьмино озеро. Слава о нём в народе недобрая ходит.

В далеком сорок восьмом, во времена заселения некогда финских земель, переселенцы нашли небольшую деревеньку, где уже обживались несколько семей. Они поведали о том, что возле озера, стоит церквушка, а рядом с ней живут две сестры. «Совсем ещё юные, а уже лечат, роды принимают, от сглаза и других напастей избавляют, но могут и порчу навести на тех, кто им неугоден», – предупреждали старожилы.

Какое-то время жили люди в мире с ведьмами. Зла друг другу не чинили. Да и с кем ссориться? Кто-то уже с семьями, но больше бабы одинокие или с детьми и делить им с ведьмами нечего было.

Младшая из сестер, светловолосая красавица – Клавдия, даже в селение перебралась, чтоб поближе к людям быть, на случай если кому-то срочно помощь её понадобится. Женихи к её дому вереницей потянулись. Девушка с норовом оказалась и очень разборчива, кого попало в свою жизнь пускать не желала, но один хлопец ей всё же приглянулся. Стала она по мужу – Бронская. А остальные, не солоно хлебавши, повадились тайком в церквушку бегать. Церковью это назвать было сложно, так... сруб деревянный, иным часовенкам уступающий. Доживал там свой век сухонький старичок – священник. Человек незлобивый и отзывчивый. Но привлекала мужиков не тяга к «запретному» в те времена слову божию, а живущая поблизости темноволосая, смешливая красавица – Варвара. В отличие от сестрицы, девушка никого прочь не гнала, но и суженого выбирать не спешила. Вскоре все мужики и парни словно разум потеряли: нет-нет, да от работы отлынивали, норовя сбежать – на Вареньку полюбоваться. Видите ли, не мила им жизнь без неё стала. Такое внимание девушке не только льстило, но и утомляло. Однако никак её сердечко выбрать одного-единственного не желало.

К тому времени священник умер. Похоронили его всем народом, чин по чину. Некому стало гостей непрошенных от соседущки-красавицы отваживать. Ох, и невзлюбили деревенские бабы соперницу. Проследили кумушки, когда распутница в церквушку войдёт, привалили дверь бревнышком, облили керосином, да и запалили. Схватился сухой сруб мигом. И тут же началось светопреставление: поднялся ветер ураганный, небо тучами затянуло, и хлынул ливень, какого никто из деревенских на своём веку не видывал. Пламя, не успев проникнуть внутрь – погасло. Дверь затряслась под ударами вырывающейся на свободу женщины. Перепуганные бабы бросились врассыпную. Рядом, с треском, словно целясь в беглянок, били молнии. Как ни странно, никто не пострадал. Признаться в содеянном они не посмели, и всё продолжилось. Однако теперь мужики совсем на своих жен смотреть перестали. «Не иначе как ведьма порчу навела», – причитали бабы и, всё больше распаяясь, выискивали способ расквитаться с обидчицей. Приблудился к деревне один беглый. Деревенские комитетчики хотели его властям сдать и, не заботясь об охране, в погреб при управлении заперли. Местные кумушки тайно сговорились с беглым: ему дают ружье, он убивает живущую возле озера ведьму и убивается. Но не забыли пригрозить, если что-то пойдет не по плану, его самого убьют.

Выполнил беглый уговор. Как не сильна была ведьма, но от быстрой пули не сумела защититься. Обрадовались бабы. Вот только мужей вернуть так и не сумели. Запили мужики – все как один. Скотина, без должного ухода и от хворей, почти вся полегла. Нехарактерная для этих мест засуха урожаем погубила. Пришла в упадок деревня. Даже дети рождаться перестали.

Только Клавдия с мужем душа в душу живут, и хозяйство их процветает. И пошли кумушки на поклон к младшей сестрице загубленной ими ведьмы.

– Помоги нам, – просили они. – Мы в долгу не останемся.

– Чем же я помочь вам могу? – баюкая на руках младенца, спрашивала молодая женщина. – Вы сами на себя беду накликали.

– Тебе нас не понять. У тебя кормильца из дома не уводили. Угомони её дух. Верни наших мужиков...

Пожеланий оказалось ещё очень много. Девушка искренне жалела неразумных. Люди собственной злостью и глупостью навлекли на себя беды. Как объяснить, что Варя доброй была, что сестра в ней души не чаяла. Да и нужно ли что-то объяснять? Сделанного не воротишь, мертвого не воскресишь. Девушка не могла осудить загнанную в угол сестру. Окажись она сама на Варькином месте, повела бы себя точно также. Но бог помиловал. Теперь злодейки в глаза заискивающе смотрят, раскаиваются, о помощи молят. А за спиной шепчутся: «Не поможет? Значит, и она, и выродки её – повторят сестрицыну судьбу». Страшно девушке стало. Не за себя. За мужа любимого, за сыночка единственного. Погоревала бедняжка, разрываясь между памятью сестры и жизнью близких, и выбрала – живых. Неприятно было неуспокоенный дух родного человека в ловушку загонять, но Варя ожесточилась и жаждала крови, а Клавдия не хотела грех на душу брать.

– Изгнать её я не в силах, – спустя время сообщила девушка односельчанкам. – Но ограничить смогла. Сделайте так, чтобы к озеру никто не ходил. У неё сил не будет что-либо делать.

– А мужики-то наши как? – поинтересовалась одна дородная бабенка.

– Ждите. Вернутся. Но не сразу. Время нужно.

На том и разошлись. Бабы завалили валежником все дороги и тропы, ведущие к озеру. Мужики пили всё меньше, а вскоре и в семьи вернулись. Через пару лет на деревенских улицах вновь веселыми колокольчиками зазвенел детский смех. К озеру никто не ходил, а сказками о живущей там злой Ведьме пугали непослушных детей. Те же, кто, не веря в предупреждения, находил путь к проклятому месту – бесследно исчезали.

Глава 1. Рождение звезды

Характерная для Питера июньская преддождевая духота сменилась прохладой кондиционируемого помещения. Вошедшая в здание университета высокая темноволосая девушка окинула взглядом холл: возле стенда для абитуриентов собралась толпа. Мария протиснулась к заветной доске объявлений, взглянула сквозь оконное стекло на низкие свинцовые тучи и закрыла глаза. Все звуки, запахи, ощущения – исчезли.

«Я к вам со святой пасхой,
Вы ко мне с доброй лаской,
Я еду на сове,
Моя сова вашим соколам глаза повывкалывает,
Языки в узел позавязывает,
Пусть моя фамилия будет в списке поступивших...»

Маша трижды мысленно произнесла ни разу не подводивший заговор на удачу. Чувства вернулись. Страхи, обиды, радость и разочарование окружающих ударили по нервам. Небо за окном, ещё мгновение назад затянутое тучей, засияло просветами, а над домами появилась радуга. Девушка просмотрела список поступивших на филологический факультет: её фамилия – Вронская, оказалась в числе первых.

– Машка! – на подходе к метро воскликнул знакомый голос.

Из припаркованной неподалеку машины высунулся Витька Лебеда – давний друг девушки.

– Запрыгивай. Подвезу, – предложил он.

– Ты уже отслужил? – садясь на пассажирское сиденье, удивилась девушка.

– Три месяца как. Всё хотел к тебе заглянуть, да неудобно как-то было.

– А я в универ поступила! – похвастала Маша.

– Постой, ты же диплом писала, когда меня забирали... – растерялся молодой человек. –

Или я что-то путаю?

– Да. С отличием закончила. Только коробит меня от экономики.

– Мы от армии косим – понятно. Готовы к черту на рога, лишь бы не в сапоги, а ты-то зачем поступала куда попало?

– Папа так решил.

– А теперь что?

– Увидел, что эта работа тоску нагоняет смертную и сжалился. Принёс справочник ВУЗов и сказал: «Выбирай – куда поступать. О зарплатке не думай, у тебя папа не бедный».

– И? В смысле – куда?

– На филологический...

– Не припоминаю за тобой тяги к языкам. Ты же сама жаловалась, что английский еле-еле на заветную пятерку вытягивала, и ту-то препод по доброте ставил.

– А я на фольклористику и мифологию.

– О! Тяга к сказкам так и не иссякла. Кстати, как твои сны?

– Там всё чудесно, – улыбнулась девушка.

– А с женихами что?

– Ой... – Маша смутилась. – Не знаю, как отваживать. Все как сдурели.

– Ну и ну. Нет, ты, конечно, красивая – спору нет. Но чтоб так. Не ожидал.

– Тьфу на тебя. Я – про сны.

– Эх... так ты всю жизнь проспичь.

– А ты, когда детективы писал, которые никто, кроме друзей, не читал, наверное, полной жизнью наслаждался? Вымышленной... – добавила она.

– Тут ты права. Каюсь. Кстати, я литературным агентом теперь работаю.

– Надеешься себя протолкнуть?

– Это вряд ли. То есть, старые работы никуда не годятся. Сырые они, я тогда хоть и учился, а многого не понимал. Сейчас новую обдумываю, идея-то есть, а вот с сюжетом пока печалька. То есть, основа как раз есть. Самое смешное – это мой сон.

– Книга про сон?

– Нет, конечно! – рассмеялся парень. – Просто недавно проснулся как пришибленный. Мне такой насыщенный событиями, яркий и реалистичный сон привиделся, что я тут же бросился записывать всё произошедшее. Даже на утреннюю планёрку опоздал. Влетело, конечно, но оно того стоило. К вечеру я две трети записанного не помнил. Закрутка получится классная, но для сюжета книги этого недостаточно. Как-то так...

– Ну, допустим, сюжет ещё не совсем родился, а в чём идея-то? – девушке действительно было интересно, ей и прошлые книги товарища нравились, но они были несколько наивными.

– Личностный рост героя, конечно же. Типа в жизни должна быть цель, препятствия на пути к которой – всего лишь иллюзии, созданные страхом и нежеланием действовать. Герои покажут, как сложно различить тонкую грань между реальностью и вымыслом, искренней дружбой и завуалированной подлостью. А ближе к развязке борются с искушением. Всё это, на фоне трагического события и связанного с ним расследования. Кстати, героиня подозрительно похожа на тебя, – в глазах парня скакали озорные бесенята. – Наверное, где-то в глубине души я в тебя влюблен и мечтаю воспеть.

– Ага, а герой на тебя. Вот только он не ботан, а мачо?

– Ну... с чего ты взяла, что я ботан? Может, я ещё тот мачо и в состоянии растопить даже ледяное сердце снежной королевы?

– Да ну тебя с твоими шуточками. Ты в армии совсем серьезно говорить разучился?

– Не, не... никто не станет соперничать такому, как я. У меня серая жизнь: работа, бабы, кабаки. Нужен динамичный, яркий герой, ведущий действительно насыщенную, бурную жизнь.

– А такая, как я, как раз... привлечёт читателя.

– Хм... а почему нет? – оторвав взгляд от проезжей части, Витя окинул девушку оценивающим взглядом.

– Это не фильм, это книга. Ты сам говоришь, что нужны активные герои.

– Ну, во-первых, не все. Даже вокруг довольно пассивного могут развиваться события, а во-вторых... твоя героиня пишет книгу, которая, кстати, становится бестселлером. Не желаешь попробовать?

– Этого мне не хватало...

– А почему – нет? Не для широкой аудитории, так для себя. Ты же тихоня, живешь так, что и вспомнить нечего, – тоном познавшего жизнь резюмировал «опытный» друг и, закатив мечтательно глазки, продолжил: – А так... на старости, долгими пасмурными вечерами почи-таешь о наполненных невероятными приключениями снах юности.

– Ты на дороге лучше смотри, философ. Ладно, уговорил. Скоро отпуск. Попробую на досуге.

– Я в тебе не сомневаюсь! Вот увидишь – тебе понравится! И будет шедевр!

– Так-таки твоя героиня шедевр и написала?

– Ну, поначалу её не признавали, а потом как понеслось! Такую скандальную популярность обрела, что Стефани Майер и Роулинг со своим Гарри – отдыхают. Правда... в рамках России.

– Считаю, уговорил. Останови на углу. В магазин зайти надо.

– Как прикажете, госпожа. Тебя подождать?

– Тут недалеко. Дойду, – отмахнулась девушка. – Спасибо, что подкинул. И заходи, не стесняйся.

Товарищ поклаксонил на прощание и скрылся за поворотом. Маша в задумчивости зашла в магазин, на автомате сделала покупки и, оказавшись дома, решила: «А вот возьму и напишу! Пусть это всего лишь фантазии и сны. Витёк прав, хоть в старости будет что вспомнить».

В квартире было непривычно пусто и одиноко – отец Марии уехал в служебную командировку. Послonyaвшись из комнаты в комнату, девушка открыла ноутбук, создала файл под названием «Ведьмина запруда» и задумалась: «С чего начать?» Мысли метались, лихорадочно прокручивая нереальные истории из прошлых снов, и вдруг словно озарение пришло, пальцы запорхали над клавиатурой. Слова, предложения, абзацы рождались сами по себе. Порой Маша удивлялась тому, что появлялось на экране. Возможно, из подсознания всплыли забытые сны? Она вновь переживала минувшие события, и ощущения, вопреки ожиданиям, не притупились, а наоборот, обрели новые оттенки. Увлечённая новым занятием девушка не замечала, что за окном ночь. Поймав себя на том, что, несмотря на попытки сфокусировать зрение на экране, строчки подло уплывают, смазываются, она бросила взгляд в угол монитора: «9—42». Она проморгалась, потёрла глаза, но картинка не изменилась.

– Наверное, часы сбились, я же села за комп в два часа дня, – не желая принять очевидное, проворчала она.

Ощувив головокружение, Маша перебралась на кровать и мгновенно уснула. Пробуждение оказалось непривычным: вместо обычного сожаления о том, что пришлось расстаться с миром фантастических грез, девушку переполняла бурлящая через край энергия и жуткий голод. На удивление бодро подхватившись с постели, она с удовольствием потянулась, выполнила несколько энергичных упражнений и, схватив ноутбук, выскользнула на кухню. Наскоро плеснув водой в лицо, она включила чайник и, взглянув на монитор ноутбука, успела отметить, что написала на удивление много. Погрузившись в чтение, она не заметила, как щелкнул, отключаясь, чайник. К концу текста, будоража сознание, сформировалось то, что будет дальше. Окружающее перестало существовать, пальцы, порхая над клавиатурой, жили собственной жизнью. Эмоции переполняли, вызывая порой мелкую дрожь. Звонок телефона вернул девушку на грешную землю, заставив оторваться от ставшего жизненно необходимым занятия.

– Привет, лисенок. Чем занимаешься? – произнесла трубка голосом Машиного отца.

– Меня Витёк подбил написать книгу, – забыв поздороваться, выпалила девушка.

– Достойное занятие. И как, нравится?

– Знаешь... – Маша попыталась сформулировать переполняющие её чувства, но не нашла слов. – Это непередаваемо.

– Рад, что ты нашла себе увлечение. Я, собственно, чего звоню: поездка затягивается, не получится у меня вернуться до выходных. Сходи сама на выставку. Ты же мечтала там побывать.

– Она еще полторы недели работать будет. Вернешься – сходим.

– В том-то и дело, лисенок, – из трубки послышался вздох, – я здесь минимум на месяц застрял.

– Понятно, – произнесла девушка, и повисло гнетущее молчание.

– Ты не обижайся. Сама понимаешь, если бы мог... и я там полный холодильник тебе забил продуктами, надеюсь ты уже заметила? – Маша лишь угукнула в ответ, и отец удовлетворённый и этим, продолжил: – Так вот, ты хоть есть иногда не забывай, а то я тебя знаю...

– Я уже не маленькая, пап, – перебила его девушка.

– В том-то и дело, что не маленькая, а кормить с ложечки надо.

– Ладно, ладно! Я всё осознала. И даже раскаялась. Пойду съем половину. Окей? Ну всё, удачи тебе там. И звони. Люблю тебя! Чмок – чмок!

Распрощавшись с отцом, Маша с удивлением констатировала, что не испытывает ожидаемого разочарования. Да и сама идея похода на выставку как-то поблекла. Взгляд упал на подготовленную кружку, рука коснулась чайника. Холодный.

– Хм... включить забыла или уже остыл?

Жутко хотелось есть, пить, в туалет, но в то же время в голове роились образы дальнейших событий, облачались в слова. Казалось, ещё миг, и что-то очень важное забудется, и тогда...

– Так дело не пойдёт! – одернула себя Маша и, щелкнув чайником, размяла затекшее от долгого сидения тело, забежала в туалет, приняла душ, соорудила горку бутербродов. Жуя и давясь горячим чаем, она пробежала глазами новый фрагмент своего «творения». И в какой-то момент образы вновь заслонили собой весь мир. Девушка автоматически отложила недоделанный бутерброд, отодвинула кружку и принялась строчить.

И вновь телефонный звонок вернул её в реальность.

– Мария, вы не могли бы в следующий раз информировать о причинах своих неявок на работу? – послышался вечно недовольный голос Машиной начальницы.

– Ой... – спохватилась девушка, только сейчас осознав, что она настолько увлеклась, что напрочь забыла о необходимости идти на работу. – Вы знаете, я что-то неважно себя чувствую...

– Очевидно у вас летнее воспаление хитрости, – безапелляционно высказалась женщина. – Не ожидала от вас подобной несерьёзности. И это ваша благодарность за то, что мы взяли вас без стажа?

– Если вас это напрягает, я могу написать заявление.

– На отпуск пишется за две недели! Вам ли не знать основ трудового законодательства.

– Прекрасно. Тогда я сегодня же подъеду в офис...

– Поздно, голубушка, я уже вынуждена буду принять меры.

– ...и написать заявление об увольнении одним днем, – проигнорировала выпад начальницы девушка.

В трубке повисла тишина. Тем временем до Маши дошел смысл собственных слов. «Что я творю? В эту фирму все мечтают попасть... хотя... да пошло оно всё!»

– Алё? Маргарита Леонидовна, мне подъехать сегодня, или вы оформите всё и без моего присутствия? А я когда буду себя чувствовать лучше, подъеду за расчетом, трудовой и поставлю необходимые подписи?

– Если вы приняли такое решение, – голос руководительницы потерял характерную спесь. – Я дам распоряжение отделу персонала. Но вы уверены?

– Абсолютно, – произнесла девушка и, услышав в ответ гудки, ощутила, как с души свалился огромный камень – ей не нравилась эта работа, как бы престижна она ни была.

Девушка не замечала, как день сменялся днём. Она полностью погрузилась в мир своих фантазий: ночью во снах, а утром, перечитывая последнее написанное и продолжая строчить. Воспринимаемые теперь как досадная помеха звонки некогда горячо любимого отца изредка отвлекали её. И к тому моменту, когда она поставила заключительную точку в своём повествовании и приготовилась прочесть его «от и до», раздался сигнал домофона.

– И кого там принесло? – недовольно проворчала девушка и решила не отвечать, но гость оказался настойчив. – Кто? – раздраженно спросила она.

– Эээ... если ты не в духе, я найду в другой раз, – раздался в ответ голос Витька.

– А, это ты. Заходи.

Минуту спустя на пороге стоял выпучивший от удивления глаза друг.

– Машк... – неуверенно протянул он. – Что-то случилось?

– В смысле? – не поняла та.

– Ты в зеркало-то на себя смотрела?

Девушка послушно сделала шаг в сторону и взглянула на своё отражение. Руки тут же взметнулись вверх, пытаясь создать эффект относительно порядка в курятнике на голове. Отскребла со щеки прилипшую крошку, оттерла нос от непонятно как туда попавшего варенья.

– Запашок от тебя, прости... – друг скривил лицо. – Ты когда последний раз меняла одежду и мылась? Что с тобой?

– Да, так... – смутилась девушка. – Ты на кухню... – её взгляд упал на царящий там беспорядок, – ой, нет, в гостиную иди. Я быстро. И это... ты прости за то... что я вот так...

– Ничего, – растеряно пробормотал друг, – бывает.

Хозяйка появилась минут через десять. Розовый спортивный костюм, еще влажные, аккуратно расчесанные волосы.

– Это совсем другое дело, – похвалил друг. – А где папа?

– В командировке...

– И, судя по всему, давно?

Девушка неуверенно повела вокруг глазами.

– Да ты совсем от реальной жизни оторвалась. А как же твоя жутко любимая работа?

– Уволилась, – смутилась Маша. – Кстати, мне надо съездить в офис забрать расчет и трудовую. Можешь свозить сейчас?

Парень только головой покачал. И спустя мгновение пояснил:

– Сегодня как бы суббота.

– А...

– Я хотел предложить на пляж съездить, вообще-то. Да и давненько не виделись.

– То есть? – вылупила глаза девушка. – Мы же вот недавно...

– Больше месяца прошло. Если ты про тот случай, когда я тебя подвозил.

– Сколько? – опешила Маша.

– Ты уверена, что с тобой всё в порядке? – с волнением в голосе произнёс парень.

– Да... но я... увлеклась. Знаешь, такого со мной ещё никогда не было.

– Если бы не твой помятый вид, я бы подумал, что ты влюбилась. В общем, отказов я не принимаю, отмазки с критическими днями тоже не прокатят. Собирайся.

Вскоре друзья неслись по непривычно свободным для Питера дорогам по направлению к выезду из города.

– Итак, колись, что же тебя выбило из повседневной колеи? – нарушил затянувшееся молчание Витя.

– Ты.

– Что я? – вильнув от неожиданности рулем и едва не зацепив соседнюю машину, воззрился на девушку друг.

– Точнее, твоё предложение, – пояснила та, чем ещё больше ввела парня в ступор. – Бррр... ну помнишь, ты сказал: попробуй написать книгу...

– А! – облегченно выдохнул он. – И как успехи?

– Написала.

– Уже?

– Да. Вот... – Маша достала с заднего сиденья просторную пляжную сумку и выудила оттуда компактный ноутбук.

– А размер?

– У меня как-то много глав получилось... – смутилась девушка.

– Размер не главами меряется. И сколько же глав?

– Семьдесят восемь.

– Да уж. Это, мягко говоря, и вправду – многовато. Выдели весь текст и посмотри, сколько там знаков.

– Эээ... один миллион шестьсот восемьдесят четыре тысячи две...

– Стой, стой. Ты всё это накатала за месяц?

– Да. Как-то не знала с чего и начать, а потом как понеслось. Перечитывала ранее написанное и строчила дальше. Даже времени счёт потеряла, как видишь. Но это было здорово!

– Не знаю даже, радоваться мне или печалиться.

– В смысле?

– Я слышал об авторах, которые в творческих порывах забывают обо всем на свете, но не ожидал такой прыти от тебя. Это размер трилогии. Почитать-то дашь?

– А то! Для чего я ноут прихватила?

Погода выдалась теплой и безветренной. Вода напоминала парное молоко. Вдоволь наплескавшись, Маша отдала другу ноутбук, а сама, решив позагорать, не заметила, как уснула. Разбудил её дразнящий запах шашлыков. Приоткрыв глаза, девушка растерялась, не понимая, где находится. Она лежит на чем-то плотном, но мягком, укрыта пледом. Темнота. Яркие звезды вверху. Рядом тихо потрескивает костерок.

– Проснулась, соня? – послышался из темноты Витин голос. – Ты чуть поздний ужин не проспала.

– Так чего ж ты меня не будил?

– Вспомнил твой замученный вид и сжалился. По поводу книги. Я уже четвертую часть осилил. А это почти целая книга. Не ожидал, что ты сумеешь так гладко, и в то же время захватывающе и динамично, развивать сюжет. У тебя очень удачный стиль изложения. Богатый словарный запас.

– Хватит смущать. Ты просто не хочешь меня обидеть.

– Я говорю, что у тебя талант, а ты меня не слышишь.

– Думаешь, это кто-то станет читать?

– Посмотрим, что у тебя дальше, разобьем на три книги и главное – провернуть правильную пиар акцию. Но это уже мое дело. На это уйдёт не один месяц, но всё же.

– Не будь ты мне как брат, я б решила, что ты клеишься. Где обещанный ужин, сказочник?

Переночевали благодаря средствам от комаров под открытым небом. Следующий день Маша провела почти не вылезая из озера, а Витя большую часть времени провел в обнимку с ноутбуком. И вечером друзья нехотя вернулись в город.

– Хорошо хоть мой зарядник от ноута к твоему подошел, а то маялся бы сейчас: что ж там дальше-то? Я по ходу чтения кое-где подредактировал знаки препинания. Завтра на работе разобью на книги, накатаю синопсис, аннотацию и – в издательство. Уверен, твоё творение вызовет фурор! Кстати, есть идеи по поводу названий частей?

– Сам придумай. Тебе виднее, что может заинтересовать читателей.

Оказавшись дома, Маша проверила автоответчик – ничего. Казалось странным то, что отец не звонит уже несколько дней. Или больше? Она пыталась вспомнить, когда говорила с ним в последний раз. Период написания книги остался в памяти размазанным пятном. Она набрала его номер, но из трубки донеслось: «Данный номер временно недоступен. перезвоните позднее». В течении недели девушка безуспешно пыталась дозвониться, результат оставался прежним. Звонки на работу тоже ничего не давали.

Но однажды рано утром раздалась трель телефонного звонка. Уверенная в том, что это отец, Маша схватила трубку, но на той стороне провода оказалась его секретарша.

– Мария Степановна Вронская? Здравствуйте. Я секретарь Степана Федоровича. Простите, что так рано потревожила. Необходимо ваше личное присутствие в головном офисе. Вы могли бы подъехать к девяти утра?

– Д-да, – растерянно взглянув на часы, произнесла девушка. – А в чём дело?

– К сожалению, я не уполномочена отвечать на такие вопросы, – ответила женщина. – Вас будут ждать. До встречи.

Времени оставалось совсем немного. Ничего не понимая, девушка, словно ураган, пронеслась по квартире и вскоре уже входила в располагавшийся в пешей доступности головной офис папиной фирмы.

– Мария Степановна, проходите, – указывая на кабинет Машиного отца, секретарша странно отводила взгляд. – Пётр Васильевич просил извиниться, он немного задерживается. Может, вы хотите кофе или чаю?

– Кофе, пожалуйста, с молоком, если можно, и без сахара, – на автомате произнесла ещё более растерявшаяся девушка.

«Зачем папиному адвокату срочно потребовалась встреча со мной? Что произошло?» Она понимала, что секретарь ничего не ответит. Надо ждать. Минуты тянулись мучительно долго. Наконец-то послышался звук открываемой двери, и на пороге появился как всегда безупречно одетый старинный товарищ отца.

– Здравствуй, Машенька, – как-то грустно улыбнулся он. – Извини за задержку. По глазам вижу – ты не понимаешь, зачем здесь находишься, и мы искренне надеялись, что этого не произойдёт. Посмотри вот это, – произнёс мужчина и поставил перед ней ноутбук.

После пары движений мышки на весь экран развернулось видео с изображением Машиного отца. Он явно волновался, готовясь произнести какую-то речь. «Привет, лисенок, – наконец-то заговорил мужчина. – Надеюсь, это видео не пригодится, но нужно предусмотреть любое развитие событий. Этот вариант, к сожалению, не исключён. Полгода назад у меня обнаружили опухоль мозга. В России такие ситуации считаются неоперабельными, однако израильская медицина в данном направлении ушла намного вперед, и врачи дают восемьдесят процентов на успех. Если ты всё же смотришь это видео, значит, мне не повезло, и я попал в злополучные двадцать. Лисенок, умоляю об одном – не убивайся. Помни, я всегда любил тебя, и как бы оно ни было, всё равно буду любить. То, что произошло, печально, но это уже произошло, и ничего изменить нельзя. Живи на полную катушку, отрывайся, словно каждый день последний, и не обращай внимание на осуждение и предрассудки. Наверное, не такое напутствие должен давать отец, но в добродетели мало радости. Прости за то, что не рассказал обо всём раньше. Не хотел расстраивать. Надеюсь, всё обойдётся. Но не получилось. Не хочу, чтобы ты проходила через процедуры прощания и прочее, помни меня таким, каким я был при жизни. Меня кремируют, и при желании ты можешь забрать урну у Петьки. Он мой поверенный. Да и не мне тебе это рассказывать. Всё движимое, недвижимое имущество и, конечно же, фирма переходят тебе. И дам тебе последний совет: бросай ты эту ненавистную работу. Теперь уже твоя фирма работает вполне самостоятельно и особого участия не требует. Номинально оформись и отдыхай. Проживай каждый день, словно он последний в твоей жизни, но не в тоске, а так, чтобы было что вспомнить, если завтра всё же наступит. Найди себе хобби. У тебя немало талантов. Всё, лисёнок, пока. Прости, если что-то было не так, и помни – я тебя люблю».

Видео отключилось. Девушка долго не отводила ничего не видящий взгляд от экрана монитора.

– Когда это произошло? – тихо произнесла она.

– Десять дней назад. Это чужая страна, и надо было оформить...

Дальше девушка не слушала. «Его больше нет», – эти слова, не прекращаясь, крутились в голове. Хотелось кричать, плакать, биться в истерике, но сил не было. Адвокат что-то говорил, но Маша не разбирала слов, да и не хотела ничего слышать. Жизнь в миг потеряла смысл. Потом она на автомате подписала какие-то бумаги, получила из рук Петра Васильевича флешку и небольшой сосуд с прахом отца. Пришли какие-то люди, их представляли,

каждый пытался выразить соболезнования. Девушка их словно не замечала. Она встала. Проплала по кабинету. Села в кресло отца. Провела рукой по столу. Казалось, оно ещё хранило тепло его рук. «За что? Почему он?»

За окном уже темнело. А Маша всё так же сидела в кресле отца. Кто-то подошел, помог ей подняться, проводил до выхода и усадил в машину. Она не заметила, как очутилась в собственной квартире. Одна. Меньше всего ей хотелось быть одной. Говорить не хотелось, но ощущение одиночества давило.

– Привет, Вить. Прости, что так поздно, – произнесла она в трубку. – Можешь приехать? Ничего не спрашивай, просто приезжай.

Пробок в столь позднее время не было, и друг оказался на пороге уже через пятнадцать минут. Одного взгляда на девушку хватило, чтобы понять – что-то случилось. Может, заболела? Или рассталась с кем-то? С чего бы иначе кутаться в разгар лета в великоватый по размеру мужской свитер? Спрашивать он ничего не стал. Захочет, сама расскажет. Девушка же, встретив гостя, ни слова не произнося, прошла в кабинет отца. Войдя следом в святая святых, куда раньше он даже краем глаза не смел заглянуть, Витя увидел странную картину: Маша, поджав колени к груди и натянув свитер по самые пятки, сидела в кресле. В одной руке она держала фотографию в рамке, а пальцем второй водила по одной ей видимому изображению.

Какое-то время в комнате царила тишина. Витя не решался заговорить.

– Его больше нет, – Машин голос прозвучал глухо.

«Кого – его?» – ломал голову товарищ.

– Там, – девушка оторвала взгляд от фото и указала на стоящий на столе ноутбук. – Посмотри. Но выйди на кухню. Не хочу этого слушать.

Витя послушно взял ноутбук и вышел прочь. Просмотрев запись, он всё понял. Но как помочь подруге? Чем утешить? На эти вопросы ответа не было. Одно было очевидно: оставлять Машу одну в таком состоянии не стоит. Взглянув на часы, он невольно скривился: почти двенадцать ночи.

– Вениамин Селивёрстович, извините, что так поздно. Возникли непредвиденные обстоятельства. Вы не могли бы предоставить мне отпуск за свой счёт до конца недели? Да. Да. Спасибо большое. До свидания.

Глава 2. Сказка – быль...

Прошёл месяц с момента получения трагической новости. Мария с головой погрузилась в дела фирмы. Девушка чувствовала свою бесполезность, но бездействие сводило с ума. Отец был прав: механизм налажен настолько, что не требовал вмешательства и был способен работать автономно.

– Я понимаю, ты подавлена. У тебя горе и всё такое. Но ничего уже не изменить. Думаешь, отец хотел, чтобы ты всю жизнь маялась? Надо жить дальше! – произнес как-то Витя. – Встряхнись! Хватит кресло протирать. Скоро посереешь и хвост отрастишь, как и подобает канцелярской крыске. Фирма вполне самостоятельна, и ты в этом убедилась. Отдохни. Пока ещё тепло, съезди на дачу. Погуляй по лесу, воздухом свежим подыши. Грибов, ягод пособирай. Начни новую книгу, в конце концов!

– Зачем? – флегматично поинтересовалась девушка.

– Затем, что ты себя измотала!

– А при чем тут книга-то? Предыдущая никому не нужна. Зачем тратить время ещё на одну?

– Фух... да хотя бы потому, что ты отвлечёшься! Ты вспомни, как тебя увлекло это занятие в прошлый раз.

– Настолько, что я никогда не прошу себе, что не уделила папе внимания во время его последних звонков. Я даже не могу вспомнить, о чем мы говорили!

– Пусть так. Но ты же не знала. Он сам не хотел, чтобы ты о чем-то догадалась. Помнится, ты сказала: он был рад тому, что у тебя появилось хобби. И вообще, теперь у тебя есть деньги – так?

– Предлагаешь приобрести издательство?

– Я раньше думал о варианте электронной книги или аудио версии. Но теперь... что тебе мешает издаться за свой счёт?

– Ага, выкинуть деньги на ветер? Папа не для того их зарабатывал.

– Тут уж позволь не согласиться. Во-первых, я посильно помогу с продвижением. Во-вторых, закажем расширенный пакет услуг, включающих рекламу и распространение. Тираж не менее пяти тысяч, чтобы было экономично в расчете на экземпляр и для покупателя, и для тебя.

– Что ж ты, такой умный, свои детективы так не продвигаешь?

– Вот заработаю денег и толкну, – насутился парень.

– И насколько примерно придётся раскошелиться? – желая поскорее отвязаться, без особого энтузиазма поинтересовалась девушка.

– Ну почему же примерно? – вскинулся парень. – У меня в папке есть все расчеты... ты забыла, что это, помимо всего, ещё и моя работа? Я не говорю, что стану брать с тебя денег за свои услуги, но что и как делать – знаю.

Маша бегло просмотрела документ. Сумма немалая, но вполне реальная.

– При условии, что все вопросы решишь сам.

– Не вопрос! Прямо сейчас подпишем бумаги, и поеду, заключу договора.

– К чему такая спешка?

– Я нарыл кое-что интересное для нового сюжета. Хочу смотаться в те края. Как говорится, вдохнуть воздух мест, о которых буду писать.

– Ну, как скажешь. Жаль, что места, о которых я пишу, не существуют. Рули к банку, денег сниму. А потом... подкинь-ка меня на работу.

– Там-то ты что забыла?

– Как что? Сам же надоумил – сообщу заместителю, что временно отстраняюсь от дел, и гори оно всё!

– Вот это уже совсем другой разговор! Ехать, думаю, необязательно. Достаточно звонка.

– Ты хоть звонить-то будешь из своей Тмутаракани?

– А то! Еще и приеду потом с подробным отчётом к тебе на дачу. Надеюсь на жареные грибочки с картошечкой и к чаю заказываю блинчики на домашних молочке и яйцах с протертой с сахаром черникой. Запомнишь, или тебе на почту заказ скинуть?

– Ты совсем мозгами двинулся? – уставилась на него девушка. – Хочешь, чтобы я кур и корову завела?

– И в мыслях не было. У тебя внедорожник – есть? Есть. Не вечно же ему в паркинге пылиться. Ездок из тебя конечно ещё тот, но ради меня, надеюсь, дорулишь как-нибудь до деревни и купишь у местных. А машину на дачу перегнать я помогу, если сама за руль боишься садиться.

– А-а-а... ну тогда о'кей. Только о визите предупреди заранее. Чтобы успела всё, – мечтательно улыбнулась Маша. Идея поездки ей явно нравилась.

– Главное, что мы должны сейчас сделать, это собрать твои вещи и по дороге глобально затариться. А то, если на тебя опять накатит писать, писать и писать, то боюсь, у меня есть шанс обнаружить по приезду засушенную мумию, – вспоминая прошлый творческий порыв подруги, усмехнулся Витя. – И умоляю! Не забудь набрать для меня хоть немного грибов и черники!

– Слушаюсь и повинуюсь, о, мой повелитель, – кидая в большую сумку вещи, отозвалась девушка.

Первая неделя на даче прошла абсолютно непродуктивно с точки зрения творчества. Зато припасы на зиму заняли почти все полочки в кладовой и большую часть морозильной камеры. Маша каждое утро уходила в лес, возвращаясь незадолго до сумерек. Она как всегда не могла противостоять охотничьему инстинкту, о чём позднее горько жалела. Одно дело собрать и притащить всё домой, и совсем другое до полуночи чистить, перебирать, варить и сушить свою добычу.

Решив, что пора остановиться, она наконец-то распаковала ноутбук. И история повторилась. Ночи становились всё холоднее, и огромный дом постепенно выхолаживался. Девушка была настолько увлечена, что порой забывала даже камин разжечь, о том, что в подвале имеется система газового отопления, она напрочь забыла. Ходила по дому, не выпуская из рук ноутбук, одетая в удобные меховые тапочки-сапожки и кутаясь в теплые свитера. Время летело. Она не заметила, как настрочила свою «нетленку», несколько раз перечитала, погружаясь в мир собственных фантазий, и наконец-то вернулась в реальность.

Девушка с ужасом обозрела царящий в доме беспорядок. Включив отопление, она затеяла генеральную уборку, прогрела сауну, приготовила праздничный ужин, посвященный окончанию трудов праведных. И не успела сесть за стол, как зазвонил телефон.

– Отвлекли меня разговорами по работе, – извиняющимся тоном произнёс Витя. – В общем, Машутк, не сдержал я слово, явлюсь пред твои очи уже минут через десять. На блины особо не рассчитываю, хватит и чая с вареньем, но о грибочках с картошечкой буквально мечтаю. У меня новостей море! Просто улётных!

Девушка, гадая, что же там за новости, взглянула на накрытый стол. Еды на двоих хватило бы с избытком, но желание друга – закон. Радуюсь, что он не приехал днём раньше и не застал царивший в доме хаос, она кинулась на кухню размораживать грибы и чистить картошку.

Своим приездом товарищ произвёл фурор. Дорогуший внедорожник впечатлил даже равнодушную к автопрому Машу.

– А это откуда? – удивилась девушка.

– Служебный, – отмахнулся Витя. – Машка! Сюжет у меня суперский будет! – с воодушевлением затараторил он. – Но это не главное. Все три твои книги удалось издать ни много ни мало десятитысячным тиражом! И главное – все куплены! Это феноменально! Сотрудники издательства в шоке. Весь тираж разлетелся буквально за четыре дня. Вот кстати, – он полез в свою сумку и вытащил книгу в глянцевом твердом переплете, – авторский экземпляр. А это, – он протянул стопку бумаг и конверт, – предложение от некоммерческого издательства на переиздание каждой из трех книг тиражом в пятнадцать тысяч. И процент тебе предлагают прямо как известным авторам. Я тебе искренне завидую. Это, кстати, выручка с продаж. Ах, да! Ещё заинтересовались, имеется ли ещё что-нибудь к изданию.

Девушка, не веря ушам, взяла в руки конверт, оценила содержимое. Дохода, конечно, не получилось, но и не он был целью. Кого-то заинтересовали её книги, их раскупили, деньги отца вернулись. Всё это само по себе было поразительно. Не говоря уже о предложении от издательства. Маша, не глядя, отделила из конверта часть денег и протянула другу.

– Без обид, Витьк, но, если бы не ты, я бы никогда не попыталась писать. А если бы и додумалась, никто бы меня не издал. Попробуй издаться за свой счет. Надеюсь, хватит?

– Конечно, – на лице парня читалось искреннее удивление. – Ты, кстати, автограф-то на новом договоре поставь. Они желают работать с автором, пусть и через агента. А потом... – Витя вновь запустил руку в сумку и вытащил бутылку Машиного любимого игристого вина.

– Ммм... ах ты, подлец! Знаешь, как уговорить женщину! Кстати, пока мы тут треплемся, твоя картошка сгореть может, – спохватилась она и кинулась на кухню.

Как оказалось, Витя немного слукавил, говоря, что желает съездить на место, которое планировал описывать в своей следующей книге и познакомиться с хуторянами. Оказывается, он нашел через интернет информацию о поселке с тем же названием, как и в Машинной книге, и даже предания народные похожие имелись. Вот и решил посмотреть на всё своими глазами, уж больно впечатлили его творческие эпосы подруги. По прибытии он узнал, что в поселке творится что-то неладное, и не удержался, провел расследование. Откопал он немало. У представителей правоохранительных органов была своя версия, отличная как от народного мнения, так и от Витиной довольно сложной логической цепочки. История оказалась запутанной и воистину достойной стать основой для детектива.

Факт реального существования этого поселения поразил девушку. Хотя наверняка почти в каждой деревеньке имеются похожие истории, но всё же казалось, что это не простое совпадение. Её непреодолимо потянуло посетить те места.

Как он умудрился за месяц нарыть столько информации? Возможно, придумал? Но Маша не решилась обижать товарища. Хотя если и придумал, то честь ему и хвала за сюжет. А случилось якобы следующее: в деревне прокатилась череда странных событий. В одну ночь абсолютно нелепо погибли два живших по соседству человека. Одинокий дед умудрился утонуть в собственном колодце, а его сосед заменил своего сына на ночном дежурстве на пилораме, а на утро его обнаружили обезглавленного и изрубленного. Ещё более странным Вите показалось то, что на следующую ночь после гибели мужчины его семья исчезла. Вещи, продукты остались на месте, но ни людей, ни скота, ни собаки не было. Как можно вот так бросить родной дом? Не поприсутствовав даже на похоронах родного человека? Как выяснилось позднее, они успели посетить управление и выписаться из занимаемого их семьей дома. Всё это произошло несостоявшегося до сих пор детективщика, и он взял след, как ищейка.

Первым делом он переговорил с селянами. Их версия вполне имела право на существование, но что-то подсказывало парню – всё не так просто, надо искать, и будет сюжет. Дело в том, что неподалеку от деревушки прокладывалась новая высокоскоростная трасса, и делать съезд-развязку для тупикового населенного пункта, состоящего из нескольких десятков домов, не планировалось. Но за деревней было озеро, точь в точь как в Машинных книгах. Прилегающие к нему земли выкупил какой-то богач, имени которого узнать так и не удалось, тот

действовал через третьих лиц – инкогнито. Именно он умудрился согласовать проект и прокладку съезда. Новая дорога пролегла через деревню. Семьям, чьи дома мешали, предложили переехать с улучшением жилищных условий в ближайший сравнительно крупный населенный пункт. Кто-то согласился, а жильцы двух домов уперлись. Дед хотел умереть на своей родной земле, что вскоре и сделал. И в этом случае, ещё можно было предположить, что он в темноте свалился в колодезь. Хотя странно – всю жизнь не проваливался, а тут на тебе. А вот история с соседом как раз и насторожила Витю. Глава семьи отказался от переезда, сославшись, что у него тут своя пилорама, и ни он, ни сын ни к чему больше не приучены. В ту ночь должен был дежурить его сын. Если предположить, что кто-то специально повредил диск циркулярной пилы, то получается, покушались-то на него, а не на отца? А что это даст? Семья не бросит всё. Витя был уверен: мужчина оказался случайной жертвой. И последующее исчезновение семьи в подобных обстоятельствах тоже наводит на мысли. Местные вполне обоснованно на первый взгляд свалили все грехи на прокладчиков дорог и обосновавшегося возле озера богатея.

И если народная версия имела право на жизнь, то версия правоохранительных органов поразила своей банальностью – несчастный случай.

Возмущенный столь явным пренебрежением служебными обязанностями, Витя через знакомых навел справки о семьях погибших. К деду действительно никаких вариантов, кроме случайности или устранения, прилепить не удавалось. Да и доказательств последнего не было. А вот с пропавшей семьей пришлось повозиться.

Состояла эта семья из отца, его сына от первого брака и жены. Родная мать мальчика двенадцать лет назад бросила мужа с детьми, удачно вышла замуж за невероятно возвысившегося в девяностые северного магната. Полгода назад, после странной гибели мужа, женщина превратилась в богатую вдову. Но вскоре была объявлена без вести пропавшей. Детей общих у них не было, в то время как у почившего супруга имелся опальный сын. Согласно завещанию, имущество должно было распределиться между отпрысками супругов. Значит, гибель главы семейства – случайность, целью был парень. Но ошибка на пилораме и одновременная смерть соседа привлекли внимание как органов, так и общественности, видимо, поэтому горенаследник и предпринял экстренные контрмеры по устранению конкурента. К тому моменту по соседству уже никто не жил и свидетелей не могло быть по определению, за исключением ни в чем неповинной жены хозяина дома. За что та и поплатилась.

– И вот теперь у меня есть невероятный сюжет! – в заключении произнёс Витя.

– Да уж. Ты прирожденный детектив, – только и смогла ответить пораженная девушка, так и не решившая, верить ли другу.

– Почти. Мы с тобой девять лет знакомы. И я всегда был уверен, что ты со мной честна. А теперь усомнился. Вот ты мне скажи. Только не ври, ладно?

– Я тебе никогда и не врала, – немного обиженно произнесла девушка.

– Допустим. Ты говорила, что пишешь исключительно на основе своих снов. Ты никогда не бывала в тех местах и считаешь их плодом своей фантазии. Так?

– Да.

– И ты никогда не искала информации об этом месте в интернете? Или, возможно, случайно читала о нём?

– Ты идиот? – воззрилась на него Маша. – Мне что, еще с яслей надо было в интернет влезть? Должна заметить, в то время на территории России только появлялись первые допотопные компы, и ни о каком интернете речи не было. То есть, не исключаю, что в банках, крупных организациях и специализированных ВУЗах, возможно, и были, но уж явно недоступные для рядовых пользователей ясельного возраста.

– Ладно, ладно. Прости. Я не хотел тебя обидеть. Всё так странно. Это место. Оно существует. История, которую ты описала в трилогии, это по своей сути подробный вариант местной легенды. Та, конечно, изложена несколько под другим ракурсом, но от этого факты в дан-

ном случае не меняются. И блин, Маша! Общаясь с местными, я оказался в одном доме. У них на стене висит большая рамка с семейными фотографиями. На одной из них ты! Я её сразу заметил. Она черно-белая, краешки фигурно обрезаны под старину, но в том, кто на ней, нет сомнения! На вопрос, кто это, меня едва веником из дома не выперли. Как я должен это понимать?

– Никак. Я хочу побывать в этой деревне и в этом доме.

– Могу дать адрес, но своим ходом ты туда не доберешься. Хотя это стимул побороть страх перед управлением железным монстром, – парень покосился на так и не съезжавший со своего места Машин внедорожник.

– Вот уж нет! Ты меня отвезёшь, – безапелляционно заявила девушка. – Ты же хочешь понять, как я связана с этим местом?

Они долго ещё проболтали, и наутро отправились в город.

По возвращении Машина жизнь завертелась волчком. Фирма отца по-прежнему работала бесперебойно, но вот прямое сотрудничество с издательством совершенно не оставляло места для личной жизни. Переговоры, интервью, встречи с читателями, которых оказалось не так и много. Как выяснилось, большую часть прошлых тиражей отправили в другие регионы, куда тоже планировались поездки. Витя проинформировал издательства о появлении новой книги внезапно взлетевшего на небосклон известности автора и умчался в очередную командировку. Около десятка издательств тут же настойчиво атаковали девушку. Являясь полным профаном в хитросплетениях и юридических подводных камнях издательского дела, Маша не знала, кого выбрать. Перед подписанием следовало изучить каждую строчку предлагаемых договоров и выбрать один-единственный. Плавающий в этой сфере как рыба в воде Витя хронически находился вне зоны доступа. Решив не мудрствовать, Маша продолжила сотрудничество с тем же издательством. Но на этом проблемы не кончились, попросили написать аннотацию. Что это такое, и с чем его едят? Пришлось вникать в тонкости её написания, многократно переделывать малюсенький клочок текста, добиваясь, чтобы он мог навести читателя на мысль о содержании книги, заинтриговать, но не сказать ничего лишнего. И всё бы ничего, но ограничение в количестве знаков угнетало. А в довершение ко всему позвонили из университета и поинтересовались причинами отсутствия на занятиях.

Вскоре вернулся переполненный впечатлениями Витя. Из сумбурных, сбивчивых рассказов девушка только и вычленила, что у друга всё хорошо, он дописал книгу, и её приняли к изданию. О поездке в деревеньку из Машиных снов друзья забыли напрочь.

Написание следующей книги продвигалось черепашьи темпами. Одна глава в неделю написана? Уже хорошо. Кратковременные визиты в фирму, учеба, куча каких-то мелких дел отнимали почти всё время. Когда писать-то? Чашку кофе выпить некогда. Девушка не заметила, как пролетел Новый год, пришла весна, и только в начале лета смогла облегченно вздохнуть. Начались каникулы. Отпала необходимость пять дней в неделю вырывать время на учебу или чувствовать вину за вынужденные прогулы. Однако на лето выдали практическое задание – написать доклад на основе народного фольклора. К ним должны были прилагаться не только легенда, но и интервью с очевидцами. «Работа в полях» подразумевала поиск темы и выезд из города, а при Машинной занятости это было весьма затруднительно. На что девушка и посетовала старинному другу.

– Так за чем дело стало? – уставился на неё товарищ. – Ты давно хотела съездить в ту деревеньку. Давай-ка садись за руль, подруга. Хватит страховку и ТО просто так оплачивать. Я б свозил, но сама видишь, тоже зашиваюсь. Подробный маршрут дам, а там разберёшься, не маленькая.

Маша недолго колебалась. Желание убедиться в том, что место из снов существует, нахлынуло с новой силой. Девушка даже наняла инструктора по вождению для закрепления

навыков. Неделю спустя она подъезжала к небольшой деревушке, где действительно всю неделю велись дорожные работы.

Въехав в деревню, она остановилась. Надежды начали таять на глазах: эта часть селения даже отдалённо не напоминала её сны. Хотя... если присмотреться, у того дома конёк знакомый, но он был деревянный, а этот скрыт за многочисленными слоями краски. А соседний вообще какой-то современный: забор сетка, окна пластиковые, обшит сайдингом. «Наверное, дачный. Местным такое не по карману», – предположила девушка.

«Столько мечтать, а оказавшись на месте, не знать, что делать,» – усмехнулась она и, решив прогуляться пешком, вышла из машины. День выдался солнечным и безветренным. Непривычно чистый для городского жителя воздух опьянял. «Надо где-то остановиться. Постучаться в первый попавшийся дом или спросить совета у Витьки?»

Маша достала телефон. Сети не было.

– Вот черт, – выругалась она.

Вышедшая в этот момент из ближайшего двора пожилая грузная женщина обернулась на звук её голоса. В глазах мелькнуло неверие, смешанное с узнаванием. Крестьясь и причитая, старуха кинулась прочь.

Маша пожала плечами и забралась обратно в салон авто. Поселок не так гостеприимен, как она ожидала. Проехав чуть дальше, она увидела то, во что боялась верить: дом, где жила её сестра из снов – Клава. Крыша немного прохудилась, но сомнений не было – это он! Остановилась. Вышла из машины. Память тут же восстановила образ живущей здесь девушки. Фигуру, рост, длинные светлые волосы, черты лица. И в этот момент дверь дома открылась, и на пороге появилась – она! Маша как замороженная смотрела вслед скрывшейся в хозяйской комнате девушке. Она потёрла глаза, ущипнула себя: «Это не сон!» Хотя её сны всегда были слишком реальны, как отличить, явь это или нет?

Выйдя из машины, она по своей привычке просунула руку в ничем не примечательную щель между досок калитки, подцепила пальцем петельку, замочек щелкнул, и дверца с тихим скрипом подалась вперед. Стоило войти во двор, и там же показалась «сестра». Светловолосая встала как вкопанная, смотря на гостью.

– Клава? – нерешительно произнесла Маша.

– А-а-а, – странно отреагировала та в ответ и, поворачиваясь в сторону дома, крикнула: – Ба! К тебе пришли.

Минуты две ничего не происходило, затем скрипнула входная дверь, и на улице появилась сухонькая старушка лет семидесяти. Её выцветшие глаза, не мигая, уставились на Машу.

– Варька! Как ты смогла? – воскликнула она и с неожиданной прытью кинулась навстречу, заключив девушку в объятия.

Пожилая женщина, что-то приговаривая, завела гостью в дом. Маша следовала за ней словно в трансе. Только сейчас она осознала то, на что абсолютно не обращала внимания: во снах её действительно звали Варварой! Написала уже четыре с половиной книги об этом и не заметила? Талант! Что делать-то? Сказать, что это ошибка, или согласиться? Ведь там, во снах, она ею и была. Планировка дома оказалась знакома, а вот обстановка частично изменилась. Маша подошла к резному платяному шкафу, коснулась его рукой и воспоминания вспыхнули в сознании: рыжеволосый парень, деревенский плотник подарил сестрам своё творение.

– Степашка-ромашка золотые ручки. Ты сохранила его, – неожиданно для самой себя с теплой улыбкой произнесла девушка.

– Как церквушку с домом спалили, только он чудом и остался. Полвека прошло, а мне всё кажется, я запах чувствую. Варя, Варенька! – не переставая гладить гостью по плечам и спине, приговаривала старушка, и слезы медленно стекали по её щекам. – Прости меня дуру старую, не смогла я тебя уберечь...

Всё это было слишком странным. Нервы были на пределе, хотелось бежать прочь. Подальше от этих людей, этого места. В голове не укладывалось, что Клавдия – это обнимающая Машу сухонькая старушка, а не похожая как две капли воды на «сестрицу» из снов девушка, стоящая чуть поодаль. Гостья терялась: как себя вести. Пожилая женщина одновременно ощущалась и чужой, и родной.

Ни с того, ни с сего в памяти пронеслись события последней ночи. Вопреки обыкновению, сон напоминал кошмар: Маша или, точнее, Варя оказалась подло заперта в деревянной церквушке, которую облили керосином и подожгли ненавидящие её местные кумушки. Сначала девушка металась в ужасе, голосила что было сил, но никто и не думал прийти на помощь. Едкий дым щипал глаза, заставлял свою жертву выворачиваться наизнанку в приступах удушливого кашля. И вдруг страх ушел, уступив место гневу. Сквозь шипение быстро схватившейся древесины, донеслись раскаты грома, завывание ветра, двери церквушки, словно снесенные мощным тараном, слетели с петель, а на улице, неумолимо туша пламя, бушевал невиданный по силе ливень. Стоило покинуть удушливый плен, и стихия начала утихать. Едва отдышавшись, девушка из последних сил поплелась к дому, откуда несколько дней не выходила. Но никто её больше не тревожил, попритихли бабоньки местные. А когда она наконец-то вышла из дома и направилась к берегу озера, царящую вокруг тишину разорвал звук выстрела. Щемящая боль пронзила спину. Рука коснулась груди и окрасилась кровью. Варя ощущала, как жизнь капля за каплей вытекает из неё. Обида накатила, заслонив собой все чувства. «За что? Я никому не желала зла. Мечтала о любви... ну что ж, я по вашей воле жить не буду, и вам тогда не жить!» И мир уплыл, и вновь вернулся. Больше не существовало боли, запахи исчезли, остались картинки, мысли, звуки и обида, которой не было прощения. Маша проснулась утром в холодном поту, и откуда-то пришло понимание: снов больше не будет, только реальная жизнь.

Девушка, вспомнив Витины слова про фото, обежала взглядом бедно обставленную, но уютную комнатку. Между окнами обнаружилась рамка с десятком фотографий. Мягко отстранив не прекращающую причитать старушку, Маша подошла ближе и присмотрелась. Забыв спросить разрешения, она сняла рамку со стены и вытащила фото своего двойника.

– Мы на удивление похожи, – глядя изображение, произнесла она и столкнулась взглядом с ничего не понимающей светловолосой. – Но я не Варвара, то есть: днём я – это я, ночью – она.

Белокурая внучка Клавдии непонимающе переводила взгляд с бабушки на гостью.

– Да, да, девочка, прости. Конечно же, ты не она. Но в тебе её часть, я чувствую. Твою мать звали Леной?

– Откуда вы знаете, что её уже нет?

– Чувствую. Но ты не ответила.

– Да.

– Значит, выжила-таки, продолжила Варькину линию. Молодца... тебе двадцать пять, наверное?

– Да.

– Мать родами умерла во столько же?

– Но откуда...

– Сны-то вспомни, того гляди поймешь.

– Вы ведьма?

– Ну... зачем так? Сама такая же. Не случайно Варя тебя в наши места заманила, сама бы дорогу не нашла. Вокруг тебя зло вертится. Да и тут сейчас нечисто... ой, нечисто. Да что же я? Вы знакомьтесь, что ли? – зачастила старушка и умолкла в ожидании.

– Маша, – после неловкой паузы робко произнесла девушка.

– Ну вот и чудно. Меня ты и так знаешь. А это Светланка, внучка моя. Дочка-то замуж за военного выскочила, да вот не повезло, как и большинству женщин из нашего рода... жизнь малышке дала, а свою потеряла. А отец колесит теперь по всей Руси, а Светка здесь, у меня.

Не дело девке по временным квартирам мотаться, да и мне старой – подспорье, – продолжала старушка, а бросив взгляд в окно, добавила: – Машину-то отгони, а то всю дорогу перегородила. Не дай боже, зацепит кто. А я пока чаек заварю. На травках. Сама собирала. Светка, комнату гостье приготовь. Нече стоять, рот разинув.

Маша, как загипнотизированная, вышла на улицу, села за руль, перепарковала машину и вернулась в дом, где уже витал аромат свежесваренных трав.

– Я словно чувствовала, что гости у нас будут, – причитала Клавдия, – с вечера тесто поставила, а с утречка уже и пирогов напекла. Да ты не жмись по углам, словно чужая. Кроvinушка ты наша...

– Кроvinушка? – растеряно повторила гостья.

– Да ты присаживайся, я побаю. Светка вон тоже глазами хлопает.

Вскоре все трое удобно устроились за старым колченогим столом со старомодной скатертью ручной вязки, покрытой прозрачной клеёнкой. На деревянной подставке парил старый с отбитой местами эмалью чайник, сахарница, чашечки, блюдца, пиалы с медом и каким-то вареньем, пироги.

– Так вот, – разлив по чашкам, начала своё повествование пожилая женщина. – Жили мы со старшей сестрой, Варькой, неподалеку возле озера. Пришли военные, кого просто выгнали с насиженных мест, а особо упертых истребили. Мать-то уже схоронили тогда, а отца куда-то угнали. Мы с Варькой девками малыми ещё были, и нас не тронули. Какое-то время жили вдвоём. Потом прибудился беглый старик священник, а следом народ эшелонами в наши края подался. Кто-то семьями, но больше бабы одинокие или с детьми. Занимали заброшенные дома, да и обживались помаленьку...

– Я-то тут причем? – не выдержала Маша.

– А ты наперед не забегай. Слушай, коль старшие говорят, – упрекнула девушку рассказчица. – Жили поначалу дружно. Да и не до раздоров было. Легко ли хозяйство с пустого места налаживать? Мы чем могли помогали. Кому по первости молочка, кому яйца. Хоть и малые были, а скотину сами содержали. Священник нам посылно помогал, помнится. Иногда у кого дитё захворает, или роды принять надобно, так Варька, не боясь пересудов, всё делала. И за хворой скотиной смотреть приходилось. Травы для отвода глаз использовала. Не нужны они ей были, да иначе суеверные, несмотря на доброту и помощь, вообще на костер отправили бы. Рискованно это было, но коли люди просят, как отказать? А потом приехали партийные. Ячейки создавать, совхоз организовывать. В то время Варька бурным цветом расцвела и о любви всё мечтала, о единственном, неповторимом. Да только где ж ему взяться, коль на деревне баб в пять раз больше, чем мужиков? Так вот один партийный припугнул её, мол, или... – старушка сделала многозначительное лицо, – или отдам под трибунал и тебя, и сестру. Поглумился и укатил восвояси, а Варька-то хворой себя почуяла. Как поняла она, что ребенок у неё будет – руки на себя наложить хотела. Мы со священником на силу её утихомирили. Но она всё одно толковала: грех на душу возьму, а его выродку всё равно жизни не дам. Благо понесла она в начале лета, беременность в тайне удалось удержать. К осени Варька больной сказала и в селение не выходила. А с холодами ничего не видно под одежей стало. Родила она в середине марта, да тут же хотела дитя жизни лишить. Да только родилась девочка, да такая милая, что у неё рука не поднялась. Варя ей даже имя дала – Елена. На том всё и кончилось, видеть дитя она не желала. Тогда священник увёз куда-то малышку. Сказал, что в приют сдал. А мужики как почуяли, что она теперь не девица, а женщина, и как с цепи сорвались. Бабы взвзверились и месть затеяли. Не стало Варьки.

– Да, мама в марте родилась, – подтвердила девушка, про себя отмечая, что помнит историю с партийцем немного в иной интерпретации, а фрагмента с беременностью и родами вообще не было в её снах.

– Может, отец что-то рассказывал? – поинтересовалась старушка.

– Папа изредка вспоминал о ней. Но я не особо интересовалась. Я ж её не знала.

– Ну, тебя тоже понять можно, коль ты и в глаза-то её не видывала никогда. Ну, а так... на фотокарточке, бабушка твоя... – и, опустив взгляд, Клавдия добавила: – Но она умерла давно...

– Знаю, – взглянула на неё Маша. – Народ глупость сотворил. Хотя их тоже понять можно. Она довольно эгоистична была, всё только со своей точки зрения видела.

– Может и так, но я тоже хороша. Могла же заметить неладное, предупредить, чтоб в леса ушла.

– А она ушла бы? – припоминая характер девушки из снов, уточнила Маша.

– Вряд ли. Да от того не легче. На душе-то камень. Она ж обозлилась и мстить им стала. Пришлось выбирать между ней и живыми людьми. Жалко их стало. А она обиделась, посчитала, что её предала. Вот и сейчас тут что-то неладное творится. Как люди возле озера обосновались, так в поселке странность за странностью происходит. Не к добру это. А тут ещё и ты. Не подумай, что тебе не рады. Но неспроста это. Ой, неспроста. Не зная своих корней, в такую глушь забраться и к нашему дому прийти – чудо? Возможно. Да только жизнь не такая добрая штука, как хотелось бы.

Чаепитие за разговорами плавно перетекло в обед, а там и ужин подоспел. Светлана на время отлучилась скотину загнать, да подоить, а Маша всё не могла наговориться с Клавдией. Старушка вспоминала былое, расспрашивала девушку о её жизни. Строила предположения о том, что же на самом деле привело её в эти места. Спать легли далеко за полночь. Маша долго не могла сомкнуть глаз. В голове всё смешалось: явь – не явь.

Снов не было. Однако проснулась девушка на удивление бодрой, даже счастливой. Кажется, всё так и должно быть, она – дома. Вот только непреодолимое желание посетить дом у озера не давало покоя. Клавдия, заметив стремление девушки, обо всём догадалась и стала отговаривать:

– Девонька, не ходила б ты туда. Ничего интересного там нет. От дома остался только фундамент, да печь.

– Пусть так. Хотя бы озеро увижу, – упиралась Маша и в итоге настояла на своём.

Выехав за деревню, девушка порадовалась, что у неё внедорожник. В нужном направлении вела едва заметная дорожка, на которой в полный рост топорщилась слегка примятая трава. Возле леса обнаружился показавшийся знакомым джип. Припарковав машину рядом с ним, Маша нашла единственную хоженую тропу, ведущую вглубь зарослей. Пропетляв минут пять, она вышла на берег и застыла. Это место было непередаваемо красиво! Прозрачная водная гладь блестела в косых лучах утреннего солнца, то тут, то там всплескивали на поверхности рыбки. Неподалеку в подлеске, судя по уходящему вверх столбу дыма, кто-то жег костер. Зеленая, сочная трава напоминала яркий ковер...

– Ты пришла? Днём? – донёсся из-за спины полный удивления, знакомый голос.

Девушка обернулась и уставилась на Витю. На парне из одежды были только плавки. Очевидно, он недавно искупался: с влажных волос падали капли воды и медленно стекали по коже.

– Ты же говорил, что весь в делах и подвезти не можешь! – вспомнив свои мучения при выезде из города, обиженно выпалила Маша.

– Ну... я и не собирался, – растерялся было парень, потом на его лице мелькнуло понимание. – Так уж вышло. Сюрприз сделать хотел... видать, не вышло, – тихо добавил он. – Сам не знаю, зачем меня сюда принесло. Может, по тебе соскучился?

– Ты для пущего эффекта ещё в любви признайся, – съязвила Маша. В другое время она обрадовалась бы компании друга, но сейчас его присутствие раздражало. – И всё же, помимо сказок: какого тебя сюда принесло?

– Мда уж. Не ожидал такого приема. Во-первых, меня осенили кой-какие догадки, а проверить их можно было только в посёлке. Во-вторых, был уверен, что ты придёшь сюда. Думал, посидим, поболтаем, расскажешь, что нарыла.

– Ладно, извини, – понимая, что слишком агрессивно отреагировала, пошла на примирение девушка. – Слишком много всего навалилось. В голове каша. А тут ты...

– Пойдём, – скрываясь в прибрежном кустарнике, Витя поманил подругу за собой.

Пробираться пришлось сквозь почти непролазные заросли, но, достигнув цели, Маша с удивлением уставилась на открывшуюся картину. Перед ней простиралась залитая солнцем, свежеевыкошенная полянка, посередине четко выделялся прямоугольник фундамента. В центре возвышалась закопченная и местами поросшая мхом печка-лежанка, на которую был брошен матрац. Это место навевало невероятный покой.

– Прямо-таки сказка про Иванушку-дурачка, – усмехнулась девушка.

Возле одной из стен сохранилась сделанная из толстого бревна скамья. На поросшем травой полу лежал кусок ткани, а на нём полный набор для пикника.

– Ой, совсем с тобой заболтался, – воскликнул парень и бросился куда-то в сторону.

Только сейчас девушка заметила стоящий в отдалении мангал. Здесь она ещё больше ощутила себя дома. Виткино присутствие вдруг перестало раздражать, наоборот, Маша увидела его новым взглядом: взглядом женщины. «Но ведь он для меня как брат!» – одернула сама себя девушка. Но так и не смогла оторвать взгляд. Она поймала себя на мысли, что это не её чувства, словно кто-то навязывает ей свои желания. Было что-то неправильное во всем этом. В принципе, с момента её появления в Патошино всё происходящее никакими другими словами, нежели – странно, описать было невозможно. С одной стороны, всё по-прежнему казалось правильным, а с другой, необъяснимая нереальность, чуждость начинала ощущаться всё сильнее. В это время Витя направился к импровизированному столу. Вместо того, чтобы переступить невысокий фундамент, он обошел якобы сохранившее целостность здание и, пригибаясь, словно боясь зацепить притолоку, вошел «внутрь». Дальнейшее его поведение показалось не менее странным: он петлял, минуя невидимые двери. Маша прекрасно помнила планировку дома, он двигался правильно. Но откуда он знал? Да и зачем эти фокусы? Или это и есть его сюрприз? Тем временем друг потянулся к невидимому окну:

– Топай сюда! – позвал он.

У Маши от звука его голоса едва ноги не подогнулись. «Да что это со мной?» Девушка зажмурилась, потерла лицо руками. Наваждение вроде спало, перед ней стоял её Витька и никаких лишних рефлексий по отношению к нему уже не возникало. Успокоившись, она решила подыграть товарищу: обошла некогда стоявшее здесь здание и вошла через давно не существующую дверь. Но парень её старания не оценил. Ощувив неожиданно проснувшийся аппетит, Маша налетела на угощение.

– Классный здесь вид из окон, согласишься? – неожиданно произнёс Витя.

– И с этим не поспоришь, – не переставая жевать, продолжила навязанный ей спектакль девушка.

– В общем деньги кой-какие у меня есть, и я подумываю: а не купить ли этот домик?

– О да! – наслаждаясь театральной постановкой, засмеялась девушка.

– А что? Я ещё в первый раз нашел это место. Оно мне понравилось. Домик старенький, конечно, но крепкий, и печь добротнo сложена. Я ночевал тут уже не раз...

Маша настороженно следила за продолжающим разглагольствовать парнем. Складывалось впечатление, что он говорит всерьез. «Да нет, – не поверила девушка. – Он дурачится и слишком вошел в роль...»

– Ты выяснил, кто тот богатей, что купил эти земли? – наблюдая за реакцией друга, невпопад поинтересовалась Маша.

– А... да, это тот самый наследничек. Не так и беден он оказался, хоть и изгой.

– Эти земли уже куплены, как же ты собираешься этот участок взять?

Парень задумался.

– Если удастся вывести его на чистую воду, сделка будет считаться недействительной.

– Во-первых, с чего бы? Во-вторых, ты же сам сказал – он всё делает через подставных лиц.

– Тогда... не знаю, – на лице друга отразилась растерянность.

– Вить, не коси под идиота, тебе не идёт, – спектакль утомил девушку, время неумолимо утекало, в городе ждали дела, а она и здесь не всё ещё закончила. – Спасибо за пикник, но мне пора.

– Как всегда, – грустно произнёс парень.

Стоило ей выйти в несуществующую прихожую, и Витя, словно не замечая стоящую в паре метров от него девушку, со всей силы ударил кулаком в скамью, выругался и залез на печь. Неприятно удивленная такой переменной в настроении друга девушка перестала ломать комедию и, переступив через просевший фундамент, направилась к своей машине. Хотелось убраться подальше от постепенно сводящего её с ума места.

Глава 3. Кардинальные перемены

Возвращение в город напоминало пробуждение. Легкие с трудом вдыхали влажный, наполненный выхлопными газами и пылью воздух, редкие оазисы зелени резали глаз сероватой, пожухлой листвой. Вокруг царил суета. Но зато пропало ощущение двойственности. Уверенность в том, что это точно не сон, радовала. Маша в последние дни стала всерьез волноваться о своём психическом здоровье.

Припарковав машину, она забежала в супермаркет возле своего дома и вскоре нагруженная покупками, подошла к подъезду. Сидящие на лавочке бабульки с добродушными улыбками поприветствовали девушку. Маша знала, стоит скрыться из вида, и ей основательно перемоют кости. Но по крайней мере, здесь никто, крестясь и причитая, не кидается прочь.

В голове после поездки бардак. «Надо бы отдохнуть. Всё осмыслить в спокойной обстановке, накатать доклад для универа. Да и книгу закончить не помешало бы...» Девушке хотелось закрыть эту страницу своей жизни. Забыть о преследовавших с детства снах, даривших обманчивое ощущение полноценной жизни, о минувшей поездке, о странном порыве по отношению к Витьке. «Надо всю текучку разгрести и на недельку, а то и две махануть на дачу. Там как раз докладом и книгой займусь. А потом...»

– Нет уж, никаких потом! – скомандовала себе девушка и, включив ноутбук, зашла на сайт агентства путешествий и на добрые два часа погрузилась в изучение предложений.

Не дожидаясь утра, Маша оформила заказ тура в выбранный отель на территории Испании. «Отключу телефон, и гори оно всё. Да здравствует новая жизнь! Новые ощущения! Пожалуй, я даже закручу роман! И опишу его в новой книге... никакой больше мистики! Приключения, любовь... ну, или хотя бы банальная страсть!» – решила девушка.

За два дня автоответчик и почта оказались завалены сообщениями настолько, что на их разбор ушло полночи. И текучки накопилось неожиданно много. До дачи удалось добраться лишь три дня спустя. Необходимость ворошить воспоминания о поездке в Патошино не радовала, однако отчёт вскоре был написан. А вот книга... главная героиня вдруг стала чужой, а вновь вживаться в образ совсем не хотелось. Девушка диву давалась: «Каков парадокс восприятия: грезил во снах, считала, что сама свою судьбу там строю, оказалось, нет, вижу фильм о чужой жизни, сопереживаю, но не чужому же человеку, родному. Ан ведь нет, всё одно как отрезало, даже вспоминать не хочется... будто Варвара виновна в том, что я своей реальной жизни сны предпочла...» Сроки жали. Всему виной опрометчиво заключённый договор. Перечитывая последние главы, Маша ощущала, что опять попадает под влияние своего второго «я». Это пугало. Она старалась абстрагироваться от образа. Выдумать концовку. Лишь бы не окутаться в засасывающие, словно трясына, воспоминания. Писать было сложно. Слова не шли, история казалась надуманной. Благо оставалось дописать всего три главы. Но они были заключительными и, как оказалось, самыми сложными. Наконец-то покончив с историей, девушка отправила файл редактору и в предвкушении перемен перешла к сборам чемоданов.

– Мария Степановна, здравствуйте, – за два дня до вылета позвонил один из сотрудников издательства. – Вы говорили, что улетаете, но у меня к вам просьба. Не могли бы вы поучаствовать еще в одной встрече с читателями? Это много времени не займёт.

– Когда и во сколько? – желая поскорее отделаться, спросила Маша.

– Завтра в шестнадцать тридцать, – с облегчением произнёс мужчина и продиктовал адрес.

Маша, решив отдать последнюю дань прошлому, согласилась.

Очередной книжный магазин, в котором на прилавках даже не видно её книг. Это и обилие камер очень удивило девушку. По сути, она зря потратила время, приехав сюда. Ни одного посетителя за полтора часа, не говоря уже об обещанных читателях. Девушка недоумевала: что

движет издательством? Наверняка за проведение данного мероприятия требуется выплатить некоторое вознаграждение магазину? Очевидно, должна заранее даваться реклама мероприятия, но о какой подготовке может идти речь, если она сама об этом накануне узнала? Маша взглянула на часы. Согласно договорённости, она обязана еще тридцать минут отсидеть здесь. Коротая время, девушка открыла ноутбук и запросила в поисковике название своей книги. Результат: не более двадцати ссылок, связанных с удивлением авторов и издателей скоростью реализации её произведений. Она загнала свою фамилию и имя, те же самые ссылки. Ни одной рекламы, ни одного обсуждения, ни читательских отзывов, ни критики. Девушка пожалела, что раньше не удосужилась влезть в интернет и проверить. Стоило ли сейчас тратить драгоценное время, бессмысленно высиживая здесь?

Создавалось впечатление, что издательство печатало книги, они неведомо откуда узнавшими людьми распродавались крупными партиями и исчезали. Как иначе объяснить полное отсутствие информации во всех поисковиках? Звякнула колокольчиком входная дверь, девушка оторвала задумчивый взгляд от монитора. В магазин вошел невысокий, полноватый полицейский лет сорока, судя по погонам – майор, следом вошел высокий худой полковник.

– Мария Степановна Вронская? – обратился майор к девушке.

– Да, – подтвердила она.

– Главное управление Министерства Внутренних дел России, майор Александр Сергеевич Синельников, – представился мужчина. – Полковник Вячеслав Ярославович Громко, – указал он взглядом на коллегу.

«Что им надо? Машина нормально припаркована. Да и они не из ГИБДД. Возможно, в фирме не всё гладко, и укрываются налоги?» – Маша смутно представляла, кто в таких случаях занимается правонарушениями и что ей делать в сложившейся ситуации.

– Майор, я в состоянии самостоятельно представиться, – тем временем огрызнулся худой и ткнул свою ксиву в лицо ничего не понимающей девушки. – Предъявите документы, – и пока Маша копалась в сумочке, понизив тон, добавил: – Вы подозреваетесь в причастности к делу о ряде ограблений и убийств. Не привлекая внимания, проследуйте за нами. И не пытайтесь бежать, – при этих словах его холодный взгляд пронизал девушку насквозь.

– Я и не... – заикаясь выдавила Маша, но запнулась.

«Ограбления? Убийства? О чём они? При чём тут я?»

Маша быстро собрала вещи и молча последовала за людьми в форме.

– Мария... – майор кажется смутился, – мы не можем позволить вам самостоятельно перемещаться на автомобиле.

Девушке на мгновение померещилось в его взгляде сочувствие.

– Синельников, забываешься? Ты разговариваешь с подозреваемой! – каркающим шёпотом одернул коллегу худой и обратился к толкущемуся возле входа лейтенанту: – Смирнов, отгони машину гражданки Вронской на стоянку управления.

– Будьте добры, ключи, – произнёс подошедший к девушке лейтенант, чем тут же заслужил не предвещающий ничего хорошего взгляд полковника.

«Если меня забирают по обвинению, почему не хотят афишировать причину ухода? Какая разница, где будет моя машина? А если это не полицейские? Может, они вот так берут людей на испуг и всё? Я же им и ключи, и документы сама отдала...»

Худой пугал до дрожи в коленях, и спорить с ним она не решилась. Машина – это всего лишь деньги. Можно купить и другую. Жизнь явно дороже. Маша сомневалась, что её станут убивать в разгар дня прямо на улице, но даже если она откажется садиться в машину, кто помешает затолкать её в салон и вывести куда-нибудь в безлюдное место? Люди и с гражданскими-то связываться бы не стали, зачем кому-то чужие проблемы? А эти ещё и одеты как сотрудники правоохранительных органов...

Отдав ключи, девушка почти поверила, что её чуток поотвлекают, прыгнут в авто и скроются. Но нет. Её подвели к обычному полицейскому автомобилю, и майор, открыв заднюю дверь, «предложил» присесть. Она надеялась, что ей что-то объяснят в дороге. Но несмотря на пробки, за двадцать с лишним минут никто не проронил ни слова. Девушка приготовилась к худшему, но машина неожиданно притормозила возле какого-то здания, явно имеющего отношения к полиции. Осознав, что никто убивать её не собирается, Маша вздохнула с облегчением: «Это какое-то недоразумение. Сейчас всё прояснится, и меня отпустят...» Уж кто-кто, но она-то точно знала, что непричастна ни к каким грабежам и убийствам.

Помещение, в которое её привели, угнетало: небольшая излишне ярко освещённая комната с свежестенными стенами, из мебели – стол посередине, да два стула. С потолка таращится глазок камеры наблюдения. Маша с сарказмом подумала: «Вот тебе, подруга, и проявление мистики в реальной жизни. Хотела новых ощущений? Искала сюжет для новой книги? Получай. Желания имеют свойство сбываться... хотя жанр... Витьке идеально подошел бы...»

Прошло не менее получаса, показавшиеся девушке вечностью, прежде чем в помещение вошли те же двое: невысокий, пухленький майор с добродушным лицом наевшегося сметаны кота и пугающе суровый – худой.

– Мария Степановна, что вам известно о судьбе ваших прошлых изданий? – вкрадчиво мягким голосом произнес «кот», как мысленно прозвала майора девушка.

– Тираж первой трилогии с учётом переиздания семьдесят пять тысяч экземпляров, вторая книга тираж пятнадцать тысяч...

– Статистика нам известна, – резковато оборвал её полковник. – Нас интересует, насколько вы осведомлены о дальнейшей судьбе книг.

Маше показалось, что она смотрит старый фильм, где фриц допрашивает русского пленного.

– Я не интересовалась, – честно ответила она. – Согласно договору, я обязуюсь предоставить аннотацию, рукопись, участвовать в немногочисленных встречах с читателями, и всё.

– То есть, вы утверждаете, что не знаете, в какие города, каким организациям и в каких объемах были отправлены ваши произведения? – промурлыкал «кот».

Маша только головой помотала, мол, нет, не знаю.

– И вас... никогда не интересовало... как не имеющее надлежащей предпродажной подготовки... никому неизвестное издание... начинающего автора... может расходиться в столь короткие сроки... огромными тиражами? – нависая над Машей и разделяя для большей доходчивости фразу, сквозь зубы процедил полковник.

– Какой смысл забивать голову такими вещами? – не выдержала она. – Каждый должен делать своё дело: пекарь – печь, продавец – продавать. Они взялись за её издание, продвижение и реализацию. Неожиданно большие тиражи расходятся на ура. Я что, должна быть недовольна? Они выполняют свою работу и делают это хорошо. Каким чудом им это удаётся – не знаю. И если честно, меня это не волнует.

– Писательская деятельность является для вас средством получения дохода? – прокаркал полковник.

– Нет. Мне от отца осталась фирма, приносящая стабильный доход.

Устав от этой клоунады, полковник, стараясь лишний раз не попасть на глаза допрашиваемой, отошел за спину девушки. Безумно бесили бросаемые напарником ехидные взгляды. Необходимость участвовать в игре «хороший коп – плохой коп» раздражала. Вечно майор олицетворял сторону добра, его роль – страшать и быть злодеем. В обращенном к «подозреваемой» взгляде читалось сочувствие. Девчонку брали на понт. Следствие велось уже около года, но никуда кроме автора и издательства не привело. Никто и не думал её обвинять, напротив, было предпринято уже немало шагов по обеспечению её безопасности. После того как недавно

один за одним почтили несколько вполне молодых и здоровых сотрудников издательства, имевших некогда дело с её рукописями, угроза нависла и над автором.

Практика показывала, что только испугавшись, потенциальный свидетель, сможет максимально мобилизовать память и, в попытке оправдать себя, возможно вспомнит что-то косвенно связанное с происходящим, и в итоге сообщит что-то полезное для следствия. Порой этот метод оказывался весьма эффективен, именно поэтому и приходилось смиренно исполнять опостылевшую роль «плохиша».

– Предположим, – тем временем, играя свою роль, мягко произнёс майор. – Возможно у вас есть завистники, конкуренты? Кто-то претендует на участие в оставшемся вам по наследству бизнесе? Или вы кому-то мешаете по роду деятельности? Возможно вы описали чьи-то противозаконные действия в книгах? Дело в том, что нам не удалось ознакомиться с их содержанием. Как бумажные носители, так и фйлы кто-то старательно уничтожил. Везде!

Всё происходящее напоминало бред сумасшедшего. Маша не верила, что всё это происходит на самом деле. Как она сегодня и предположила, её книги сразу после выпуска тиража раскупались крупными партиями. По словам сотрудников полиции, за исключением семи экземпляров, проданных через интернет, ни одной книги в розничную торговлю так и не поступило. Естественно, никого это не волновало, ну, возжелал кто-то профинансировать таким извращенным способом нового автора, флаг ему в руки.

Всё выяснилось абсолютно случайно. Сразу после издания скорострительно скончался занимавшийся Машиной книгой редактор, мужчина был уже на пенсии, и вопросов это не вызвало. После переиздания следующий сотрудник попал в аварию и скончался в больнице. И опять же никому в голову не пришло провести параллель между этими событиями. Вышла новая книга, и в этот раз женщина-редактор по необъяснимым причинам решила свести счёты с жизнью выбросившись из окна семнадцатого этажа. Один сотрудник на поминках горько пошутил, мол, эта Вронская, как чёрная вдова. Кто с ней свяжется – долго не живёт. Тогда никто не придавал значения этим провидческим словам, но позднее их припомнили.

В различных городах участились случаи гибели бизнесменов, занимающихся книготорговлей. Каждый регион пытался разобраться с проблемой тихо, не привлекая внимания.

Как раз после издания последней книги на одном участке вдруг повысилась смертность. Четыре человека за неделю. Не старые, вполне благополучные, и все покончили с собой. Узнав о том, что все четверо перед смертью заказали и успели получить на почте одну и ту же книгу, следствие пришло к мысли о книжном маньяке. Сотрудники полиции связались с отделом маркетинга того сайта, где были произведены заказы, и отправили официальный запрос в издательство. Как выяснилось, двое из получателей уже скончались, а последний по счастливой случайности находился в этот момент в командировке. Оперативники, в надежде взять преступника на живца, выехали на место, но опоздали. Во всех семи случаях, приобретённые ныне покойными экземпляры бесследно исчезли. Книгу сняли с интернет витрин. За автором и сотрудниками издательства началась слежка.

Дальше – больше. Во избежание дальнейших смертей, было подписано распоряжение об изъятии остатков тиражей из розничного оборота. Вот только их там не было. Книги просто исчезли со склада. Однако попытки связаться с осуществившими закупки предпринимателями тоже не увенчались успехом. Бизнесмены повторили участь интернет-потребителей. Во всех городах картина получалась примерно одинаковая: груз получен, оприходован, но, не успев попасть на прилавки – похищен, о чём зачастую забывали заявить в органы, так как одновременно с похищением происходил какой-нибудь трагический несчастный случай с предпринимателем, что само по себе вызывало бурю событий, на фоне которых исчезновение партии товара – несущественная мелочь. Тем временем запутанное дело передавалось всё выше по иерархии МВД.

Наевшись проблемами по самое не балуй и искренне боясь и дальше иметь дело с «проклятыми книгами», как их теперь называли в издательстве, оно планировало расторгнуть договор с автором. Но надеявшиеся взять преступников на горячем, сотрудники полиции настояли на том, чтобы автор до поры до времени оставался в неведении. Однако информация каким-то образом просочилась в интернет, и появились сотни самоубийц, жаждущих почитать «запретное чтиво» никому неизвестного автора с феноменальными тиражами и будоражащей кровь историей. Возможно, если бы Маша залезла в интернет пораньше, или сотрудники полиции приехали позднее, девушка и сама нашла бы эту жуткую информацию о своих творениях, но к моменту встречи с правоохранительными органами она пребывала в неведении, что лишний раз подтвердило её непричастность.

Маша была в шоке. Ещё сегодня утром она была уверена, что её книги пользовались успехом. А они были черной меткой для каждого, кто успел хотя бы частично ознакомиться с содержимым. Девушке стало страшно. В какой-то степени радовало, что никто её не обвинял. Да и кем надо быть, чтобы творить такое? Кому она или её книга настолько помешали? Она ведь писала о своих фантазиях, снах! И если столь бесчеловечно истребляют всех, кто так или иначе коснулся «проклятых произведений», что ждёт её? А значит, и Вите угрожает опасность. О своих опасениях она сообщила сотрудникам полиции.

– Как мы уже упоминали, какое-то время... точнее уже четыре месяца за вами ведётся слежка, и непосредственно к вам претензий нет, – по окончании клоунады произнёс «кот». – Возможность угрозы не исключена, и вы включены в программу защиты свидетелей. Вы последний, оставшийся в живых, человек кто так или иначе был связан с злополучной книгой. В сложившейся ситуации мы вынуждены запретить вам выезд за пределы Российской Федерации. Однако ваша идея с отдыхом не дурна. Поезжайте, но в пределах государственных границ. Сейчас вам выдадут права, паспорт. Ваши старые документы остаются в силе, но до соответствующего распоряжения будут изъяты. Машину придётся оставить здесь. Её отгонят к вашему дому. Перемещаться будете общественным транспортом, ну можете арендовать автомобиль в конце концов. Вот сим-карта... не потеряйте, через неё мы сможем определять ваше местоположение и при необходимости связаться с вами. Старые мобильный и ноутбук оставите здесь, купите новые. Ни в коем случае не входите на старые аккаунты соцсетей, почтовых ящиков, скайпов и прочего. Деньги. Вот новая карта того же банка, в конверте пинкод. И пополняйте наличными. Либо через эти банковские реквизиты. В дальнейшем при поступлении средств на вашу «старую» карту, будет происходить автоматическая транзакция перевода средств на «новую». Информация о переводах конфиденциальная и проследить адресата будет невозможно. В фирме предупредите, что уезжаете на длительный срок. Кстати... советую сменить имидж. Волосы покрасьте, стиль одежды, цветные линзы. Ну... удачно вам отдохнуть.

– Это вы так шутите, да? – не выдержала молчавшая до сих пор девушка.

– Отнюдь, – покачал головой полковник. – Если заметите что-то странное, в памяти сим-карты занесены три номера для связи. С того момента как выйдете отсюда, советую забыть о прошлой жизни, связях, местах где вы часто бывали. Ключи от квартиры тоже изымаются. До тех пор, пока мы не поймем преступника, поживите новой жизнью. Благо финансы вам это позволяют. До отъезда из города можете использовать старую банковскую карту, за его пределами не светите ею ни в коем случае.

Маша вышла из кабинета, пребывая в полной прострации. «Ну, что, дура, хотела начать новую жизнь? Хотела новых впечатлений? Лови – не надорвись!» Девушка взглянула на часы: «23—10». Время ещё позволяло заехать в какие-нибудь гипермаркеты. Покупок предстояло сделать много. Первым делом новый мобильник, ноут, предметы первой необходимости, одежду. На улице девушка с тоской посмотрела на свою машину. Ничего ценного в ней не было. А вот то, что в квартиру возвращаться запретили – обидно. В потайном сейфе отца лежало

немало налички. Хотя был у них с отцом один тайничок с запасными ключами. Но Маша не решила ещё: стоит ли нарушать запрет?

Первым делом она связалась с финансовым директором фирмы. Жестоко было посреди ночи вытаскивать бедную женщину из постели, но дожидаться завтрашнего дня и рисковать, приезжая в фирму, Маша не хотела. Благо доверенности необходимые были оформлены ещё месяц назад, когда планировалась долгая поездка за границу. Уладив все дела, девушка не успела поднять руку и рядом остановилось такси.

– Вам куда? – стоило усестыся поинтересовался водитель.

– В Мегу, – ответила девушка.

– Какую именно?

– Любую, лишь бы побольше, – отозвалась она и достав полученные документы пробежала взглядом: Васильева Елена Ивановна. «Не долго они думали. Хотя, наверное, это и правильно. Людей с такими именами в России десятки, а может, и сотни тысяч».

Полночи девушка проходила по гипермаркету, не в силах определиться: что ей нужно для новой жизни? В итоге измученная неопределённостью, напуганная и жутко уставшая девушка ощутила, что вот-вот уснёт на ходу. Мысль о том, что, возможно, по её вине, пусть и косвенной, погибло столько людей, сводила девушку с ума. Перед глазами вновь и вновь прокручивался пугающий диалог произошедший в отделении полиции. Сидя там, девушка в какой-то момент решила, что это такой розыгрыш. Жестокий и не смешной, но не могло то, о чём говорили мужчины, быть правдой. По мере повествования ей показывали жуткие снимки с мест преступления, но она отказывалась верить. Однако выданные документы на новое имя, сим-карта и прочее не оставили места надеждам. Но расслаблять нельзя, надо куда-то ехать и в пути можно и вздремнуть. Мечта об Испании, теплом море и романе с горячим парнем так и осталась мечтой. Вот только, Маша не представляла, куда же ехать?

– Хотя... середина июля... и на наших морях месяца два можно оттянуться, – и достав новый мобильник набрал телефон авиакасс.

Несмотря на сезон, девушке повезло, один билет на утренний рейс до Геленджика имелся, и она тут же его забронировала. Теперь главное было добраться поскорее до ближайшего круглосуточного пункта продажи билетов, иначе бронь будет аннулирована. Опять такси. Озвучены примерные координаты и можно расслабиться. Погрузившись в размышления, Маша не заметила, как задремала, а такси вместо того, чтобы ехать к авиакассам выскочило на кольцевую дорогу, затем на трассу. Машина дернулась съехав с новой дорожной развязки на просёлочную дорогу.

– Вот чёрт, – вырвалось у проснувшейся и непонимающе вглядывающейся в подозрительно знакомые пейзажи за окном, девушки.

Конечно она помнила, как что-то тянуло поехать именно сюда. Но в тоже время она без труда прокручивала в памяти обращенные к водителю слова с адресом назначения. Как же так вышло? Почему она здесь? Хотя какая уже разница? Девушка прекрасно отдавала себе отчёт в том, что если маньяк следил за ней ранее, то ехать сюда было рискованно. И вообще опрометчиво было брать первое попавшееся такси. Кто знает, чего ждать от этого водилы, и вообще кто он и откуда ему известен этот адрес? Вот только сказать что-либо девушка не успела. Водитель въехав в саму деревню, как ни в чем ни бывало поинтересовался:

– А здесь куда?

«Получается он не знает? Значит это я его сюда пригнала? А как же билеты? Море? Хотя... тут возможно где-то неподозревающий о грозящей ему опасности Витька. Вот чёрт...»

– Здесь притормозите, – заметив, что уже подъехали к дому Клавдии, попросила она.

Расплатившись, девушка вышла. И это место вновь напомнило ей о Вите... что-то странное творилось с её чувствами по отношению к другу. За десять лет знакомства он стал неотъемлемой частью Машиной жизни. Даже когда он служил, девушке казалось – он рядом, не забыл

о ней. И действительно, товарищ вернулся, и всё встало на свои места, словно и не было длительной разлуки. Отношения между ними были дружески-братские. Поэтому тогда, у озера, девушку шокировала реакция собственного организма на почти обнаженную фигуру друга. Даже сейчас от воспоминаний внизу живота начал разгораться огонь. Да что же это со мной? – пытаюсь избавиться от наваждения, ломала голову она. Несмотря на внешнюю привлекательность, её холодность вечно отпугивала парней. Ещё в старших классах Машу прозвали Снежной королевой. И вдруг такое! Ладно, если потянуло бы к какому-то мачо, новому человеку в её жизни, было бы понятно – поддалась обаянию, сорвалась, в конце концов не вечно ей ледышкой оставаться? Но не по отношению же к человеку, которого она никогда не воспринимала как мужчину.

И вдруг усталость словно рукой сняло, открылось второе дыхание. Ещё мгновение назад смазанный, плывущий перед глазами окружающий мир обрёл четкость линий, цвета стали ярче, чистый воздух наполнял грудь, хотелось дышать глубже. Тревоги растворились, не оставив следа, с ними же исчезли и нелепые угрызения совести. События минувшего дня теперь казались дурным сном. «Вот чего в панику ударились? Что мне до них? Я их даже не знала...» – улыбнулась девушка. Стоило приблизиться к дому, как из окна послышался голос Клавдии:

– Вернулась-таки голубка наша. Заходи. Ох, не нравишься ты мне, девонька... не то что-то с тобой, ой не то... – причитала пожилая женщина. – Ну ничего, сейчас я травок хороших заварю... всё дурное как есть вмиг снимет...

Девушка не слушая хозяйку, по-свойски вошла в дом. Светы нигде не было, но её это не волновало. Старуха тем временем суетилась на кухне.

– Маша, хватит уже старые фотографии взглядом буравить. Иди за стол, чай пить будем, – позвала Клавдия.

Чай пах как-то странно, но приятно. Сделав пару глотков, девушка словно прозрела. Вернулись тревоги, угрызения совести и непонимание: «Что за наваждение опять было? Надо бы на такие случаи у бабки термосок с чудо-чайком выпросить», – решила девушка. А Клавдия тем временем рассказывала навевающие ощущение дежавю новости. Всё описываемое совпадало с тем, что говорил когда-то Витя. То есть, о наследниках и прочем речи не было, а вот дорогу и вправду решили прокладывать, в связи с чем началось выселение тех семей, чьи дома мешали осуществлению проекта.

– Хм... а я ещё в прошлый визит была уверена, что всё согласовано, и дед какой-то, не согласившийся уехать, утонул в колодце, а его соседа на ночном дежурстве дисковой пилой порубило, а потом и вся его семья куда-то исчезла, – задумчиво произнесла девушка.

– Тьфу на тебя, – перекрестилась Клавдия. – Нет, чтоб хорошее что сказать, а ты?

Как объяснить пожилой женщине, что, слушая в своё время друга, Маша и предположить не могла, что поведанная им запутанная история – всего лишь плод фантазии. Слишком он гладко излагал, словно очевидцем был. Ох и сказочник Витька! И главное, гад, мог же на озере признаться, что большую часть истории выдумал? Мы же цепляли в разговоре эти темы. Нет же, поддержал диалог, словно говорили об имевшем место факте! А на поверку оказалось, что действительно существовал только прельстившийся благодатными землями возле озера богатей, а остальное чистой воды выдумка. Никакого криминала не было, кто-то соглашался, получая площадь в ближайшем относительно крупном населенном пункте, кто-то пребывал в раздумьях.

Маша поведала старушке о связанных с её книгой странных событиях, а та, выслушав, уточнила, о чём книга, и, причитая, схватилась за голову:

– Что ж ты натворило, дитя неразумное? Разве ж можно с таким даром шутить? Ведь не добро Варька в себе затаила, а коль она от роду с тобой связь держит, то после твоей глупости – добра не жди. Как бы всё случившееся меньшим из зол нам не показалось, – туманно высказалась Клавдия и куда-то поспешно засобиралась.

Глава 4. Отголосок прошлого

Суэта связанная с подготовкой к новогоднему танцевальному вечеру в «Доме Офицеров» оправдала себя в полной мере. Стоило войти в зал, как все взгляды оказались обращены к спутницам подполковника Вронского. Мужчины по достоинству оценили чувственную, женственную красоту Валентины, и нежную прелесть юной Анастасии. Женщины же не без зависти окидывали взглядом статные фигурки, и выгодно подчёркивающие все достоинства, но со вкусом без малейшего намека на вульгарность сшитые на заказ платья вновь вошедших. Николай Вронский с достоинством прошелся по залу. С правой стороны под ручку с ним, шествовала с королевской грацией жена, с левой – дочь. Они степенно раскланивались с многочисленными знакомыми. И вскоре остановились возле одной из колонн зала, откуда прекрасно просматривалось всё пространство и вход.

– Говорят сегодня прибывает сам генерал-лейтенант Свиридов, – подойдя к ним поближе, тихим шёпотом, «по секрету», сообщила жена майора Гыцко.

– Рад был бы повидать Романа Львовича, – учтиво улыбнулся даме Вронский, и та довольная тем что донесла «секрет» ещё до кого-то затерялась в толпе вновь прибывающих, где явно искала новую жертву. – Как думаешь... – взглянув на жену начал он, но пока подбирал слова, Валентина его опередила:

– Не надейся увидеть его здесь, – слова звучат мягко, улыбка скользит по губам, якобы мимолётный взгляд васильковых глаз внимательно изучает присутствующих. Валентина видела Свиридова только на фронтовой фотокарточке, но от мужа наслышана об этом человеке. Одно то, что младший лейтенант за пять лет дорос до майора, благодаря стараниям в те времена генерала Свиридова, уже о многом говорит. – Ты же знаешь эту Гуцко... сколько раз услышав что-то и не удосуживаясь дослушать до конца, она разносила по секрету новости совершенно не соответствующие истинному положению дел.

Подполковник лишь кивнул словам жены и тут же незаметно дернул за рукав стоящую рядом дочь. Девушка беззастенчиво разглядывала какого-то высокого, темноволосого юношу. И хуже всего было не то, что взгляды эти не остались незамеченными. Они были взаимны! И присутствующие кумушки уже тихо перешёптываясь косясь на молодых людей.

– Кто это? – проигнорировав требование отца, и так и не отрывая взора от лица молодого человека, Анастасия прильнула к матери.

– Не знаю, Настасья. Но не думаю, что стоит столь откровенно проявлять интерес. Где твоё достоинство? – всё также не снимая с лица улыбки, произнесла Валентина.

Для женщины, перенёсшей блокаду с малолетней дочерью на руках, и долгие годы пребывавшей в вечных тревогах о находящемся на передовой муже, Валентина на удивление хорошо сохранилась. К сорока годам, она выглядела не многим старше своей семнадцатилетней дочери и научилась играть роль этакой учтивой глупышки учительницы, которую никто не воспринимал всерьёз, что не раз помогало вычислить в окружении любимого мужа людей подлых и недалёковидных.

Хотя... это была своеобразная маска-ширма для отвода мужниных глаз. Была у Валентины тайна, о которой не ведала ни одна живая душа. С детства она с легкостью читала мысли окружающих. Имел ли кто-нибудь в её роду такой же дар, женщина, ещё в двенадцать лет ставшая сиротой, не знала, но помогал он ей неоднократно. Вот только признаться мужу в том, что видит все его помыслы насквозь, она не решалась.

В этот момент подошла пожилая супружеская чета: майор в отставке с супругой.

– Валенька, вы как всегда прекрасны, – улыбнулись тонкие старушечьи губы.

– Благодарю, – улыбнулась Валентина, чувствуя что похвала сказана не для приличия, а от души. – Вы тоже очаровательны.

– Ах, вы мне льстите, – засмушалась пожилая женщина.

Собственно, какая она пожилая? Всего-то перевалило за пятьдесят, но в своё время она пошла за уже немолодым мужем на фронт, оба выжили, но далось им это нелегко: обоих по состоянию здоровья комиссовали, и они вернулись в блокадный Ленинград. Здесь в ту пору жизнь никого не баловала, и вот итог: сейчас им смело можно дать на вид все семьдесят. Но главное, несмотря на все тягости, сумели они сохранить теплое отношение друг другу, чем заслужили уважение, а порой и чёрную зависть окружающих.

– Роман Львович Свиридов с семьёй приехал, вы же вроде вместе на фронте были? – подслеповато оглядывая зал, произнёс майор.

Валентина заметила, как в глазах мужа вспыхнули огоньки. Было видно, что ему не терпится повидаться с давним знакомым. В это время закончили поздравительную речь организаторы торжественного вечера и заиграл оркестр.

– Вместе... немного неправильно звучит, – тем временем ответил Вронский. – Я был никем, а он генерал! За-то какой генерал! За такого и с голыми руками на врага идти не зазорно было.

– Да. Слыхал. Справедливый мужик, – покивал каким-то своим мыслям майор. – Поговаривают он теперь где-то... – говорящий воздел очи и покрутив указательным пальцем, словно раскручивал на нём невидимое кольцо, имея ввиду то, что предмет разговора занял высокий пост. – В Москве, и чуть ли не при Кремле!

– Кто знает? Слухами земля полнится, – отмахнулся Вронский, – вот если действительно появится, там и узнаем. А вот... и он! – встрепенулся подполковник и помахал рукой невысокому крепко сложенному мужчине лет пятидесяти пяти, лицо того осветилось на удивление открытой, искренней улыбкой.

«Звезда танцплощадки» вырвалась из скопившейся вокруг него толпы, и начала деликатно прокладывать путь между танцующими парами по направлению к старому знакомцу. За ним следовала полноватая невысокая брюнетка лет сорока. Вронский извинился перед собеседниками и прихватив под ручку супругу, двинулся на встречу. Не по чину обнявшись, генерал-лейтенант крепкой хваткой взял Вронского за плечи и осмотрев с ног до головы, судя по всему остался доволен, вот только кинув взгляд на погоны укоризненно покачал головой:

– Что ж ты так? Пять лет прошло, а с майора только до подполковника?

– А к чему мне оно? – по-простому ответил Вронский.

– Всё тот же, – усмехнулся Свиридов. – А эта красавица, значит и есть та самая к которой ты так вернуться рвался? – его взгляд скользнул по ладной фигурке Валентины, но не вульгарно, а так словно он оценивал произошедшие изменения в своей дочери или младшей сестричке. – Что-то подсказывает мне, что и дочь у тебя завидная невеста, коль жена такая обаятельная женщина. Кстати, познакомьтесь, это Светлана Георгиевна, супружница моя, а там... – он окинул взглядом зал за своей спиной и разглядев среди танцующих того самого юнца, которого... захомутала-таки в танец дочь Вронского, Свиридов кивнул в его сторону и произнёс: – А этот оболтус мой сын – Антон.

Вронский представил жену, и растерялся. Он собирался отчитать дочь за своенравное поведение, но её избранником оказался сын человека, которому он был обязан очень многим. И что теперь делать? А вдруг тот жениться вот так вот сразу и не подумает? А люди-то уже шепчутся всюю...

– Ну одно радует, – тем временем усмехнулся Роман Львович, – кажется отгулял своё мой оболтус. Ты глянь как он на вашу смотрит! Чует моё сердце, скоро сватов засылать придётся. Только надо б тебе хотя бы полковника дать, а то не дело это...

Уже и танцы в доме офицеров закончились, а товарищи всё не могли наговориться: поминали старое, делились новостями, коих за пять лет накопилось немало. Женщины быстро нашли общий язык, а про молодых и говорить не стоило, те вообще друг с друга глаз не сво-

дили, чему оба главы семейства были даже рады. Чай не с чужими кем породниться если что придётся.

Вышли на улицу. Погода выдалась довольно теплая, безветренная. Днём выпал свежий снежок, украсив белыми шапками деревья в скверах. Машин на дорогах почти нет. Тихо. Спешат по своим делам редкие прохожие.

Свиридова возле входа в «Дом офицеров» ждала машина. Стоило генерал-лейтенанту выйти из здания, шофер тут же выскочил наружу и услужливо открыл пассажирскую дверь.

– Мы прогуляемся, пожалуй, – отмахнулся от парня Свиридов.

– Как скажете, – тихо отозвался тот и вновь нырнул на водительское место.

Тихо заурчал движок, и машина тронулась следуя на некотором расстоянии от неспешно прогуливающейся компании.

Так за разговорами прошли до угла Литейного и Невского, где заглянули погреться в работавший в столь позднее время ресторанчик. Разошлись далеко за полночь. Успев обменяться адресами и телефонами, и договорившись обязательно приезжать друг к другу в гости.

По прошествии пары месяцев Вронскому дали полковника. Всё складывалось наилучшим образом: младшее поколение жило от письма к письму, ожидая новостей, старшее радовалось вновь обретенной связи и открывшимся перспективам, а в канун праздника победы, новоиспеченный полковник получил приказ о переводе в Москву и приглашение от Свиридова отметить праздник у него.

Квартира Вронского превратилась в улей: до переезда осталось меньше месяца, а тут ещё и поездка от которой нельзя отказаться. Валентина не знала за что хвататься. Нелегко с насыщенного места срываться, когда только-только жизнь наладилась. И перед высокопоставленным товарищем мужа лицом в грязь ударить не хотелось, а значит надо быть на высоте.

В последние недели перед отъездом Анастасия всё чаще стала пропадать по вечерам, порой задерживаясь где-то до глубокой ночи. Вронский дневавший и ночевавший в это время на работе ничего не замечал, а на все вопросы матери девушка ссылаясь на необходимость подготовки к выпускным экзаменам в музыкальном училище.

Чемоданы собраны, Вронский с женой места себе не находят: до поезда два с половиной часа осталось, а Настасья ранним утром выскочила из дома, сказав, что забыла забрать платье у подружки, и до сих пор не вернулась. До вокзала рукой подать, но Валентина нервничала, да и Вронский тоже нервно мерял шагами кухню, нет-нет да поглядывая то в окно, то на отходящую взгляд жену.

«Что ему сказать, если спросит?» – ломала голову женщина. В последнее время ей не удавалось повидаться с дочерью. Та придёт поздно, закроется в своей комнате, и разговаривает через дверь. Валентина чувствовала, что творится что-то неладное, однако раньше она мужа нервировать не желала, надеялась, что всё само собой образуется, а теперь что-либо предпринимать было поздно. Куда ушла дочь? К какой из подружек? Да и к подружке ли вообще? А что будет если у неё роман? От этой мысли Валентине поплохело. Никогда не подводившее её чутьё, буквально орало: так и есть! И всё кончится плохо. Очень плохо.

За час до отправления, блудная дочь наконец-то заявилась домой и, как и всегда в последнее время заперлась в своей комнате.

– Настасья, ты поступаешь безответственно, – через дверь выговаривал ей Вронский. – Ты же знаешь, что мы уезжаем, что эта поездка очень важна для меня. Для всех нас! Где ты пропадала столько времени?

Девушка молчала в ответ, а отец, поглядывая на часы, чьи стрелки неумолимо приближались к минуте «X», всё больше распаялся. Он кричал, извинялся, пытался выломать прочную дубовую дверь, умолял, но Анастасия оставалась глуха.

– Сделай же уже что-нибудь! – зашвырнув вглубь коридора форменную фуражку которую до того мял в руках, выкрикнул Вронский.

Валентина молча смотрела то на впервые повисившего на неё голос мужа, то на закрытую дверь, ведущую в спальню дочери, и не знала: что делать?

– Настя, девочка, – робко позвала она, не особо рассчитывая услышать ответ.

Из комнаты раздались всхлипы, и хриплый, сдавленный голос едва различимо произнёс:

– Я никуда не поеду.

– Что? – Вронский буквально взъярился услышав эти слова. – Что значит – ты никуда не поедешь? Кто вообще тебя спрашивать будет?..

Он что-то кричал ещё, но Валентина уже не слышала. Её сознание разрывалось, между мужем и дочерью, она не понимала, что движет Настасьей, но это нечто было очевидно довольно веским, если девушка оказала столь яростное сопротивление. Догадки одна страшней другой рождались в сознании. Женщина жалела, что не находится в одной комнате с дочерью и не может прочесть её мысли. Это расставило бы всё по местам, но та словно чувствовала, потому и избегала мать в последнее время.

Вронский в очередной раз взглянул на часы и испустил то ли вздох, то ли стон. До отправления оставалось двадцать минут. И тут дверь отворилась. Увидев Анастасию, Валентина вмиг узнала всё! Взгляд, словно надеясь на ошибку, скользнул по облачённой в мешковатое, свободного покроя платье фигуре дочери. Сознание отказывалось принимать истину. Панически искало выход. И нашло: мир перед глазами поплыл, его заволокло туманом, и сознание женщины растворилось в небытие. Глава семейства, едва успевший подхватить жену на руки, с укором взглянул на дочь.

– Ты видишь до чего мать довела? – устало произнёс он, понимая, что как минимум именно на этом поезде они никуда не едут.

Анастасия молча наблюдала за тем, как отец тащит потерявшую сознание мать к стоящей в коридоре тахте. Как заботливо, с нежностью укладывает её безвольное тело, подкладывает под голову подушку... во взгляде девушки мелькнула неприкрытая зависть.

– Я никуда не еду папа. И не кричи. Я беременна.

– Что? – возрился на неё отец, выронивший из своих ладоней руку начавшей приходить в себя Валентины.

– Что слышал! – с вызовом отчеканила девушка и вздёргнув подбородок уставилась на мгновенно очутившегося рядом отца. – Ну что – ударишь?

Вронский растерянно смотрел на дочь. Он не верил ушам. «Да и что она такое говорит? Я что зверь какой, чтобы дочь бить?» Хотя он врал себе, был миг, когда всё внутри порывалось отвесить этой негоднице подзатыльник, но сдержался же? Казалось всё это страшный сон. Вот сейчас он проснётся, и они дружно семьёй поедут на вокзал...

– Давай, – с вызовом глядя ему в глаза едко выплёвывает девушка, – бей! Это вы можете! – она невольно жмурится в ожидании удара, но лица не опускает. Робко открывает глаза, смотрит на растерянное лицо отца и продолжает: – Или может отвезёшь в мясорубку? А то как же так? Дочь без пяти минут московского полковника, фаворита самого генерал-лейтенанта Свиридова пузо нагуляла! Так поздно уже, папочка. Почти четыре месяца. Да-да, мамулечка, – её наполненный ненавистью взгляд переметнулся на сидящую на тахте женщину. – Не уследила, не уберегла, – эти слова Настасья словно выплёвывала. – И все твои таланты не помогли. Не могла ты узнать того, чего я и сама не знала. А уж после... я побеспокоилась чтобы рядом с тобой не оказываться.

– Что... – недоуменно переводя взгляд с дочери на жену и обратно, начал было говорить Вронский, но Настасья его перебила:

– То самое папочка. И я и женоушка твоя ненаглядная тебя насквозь видим. Каждый твой помысел, будь то воспоминания или желания. Что не веришь? Так я докажу... ты сговорился со своим Свиридовым за моей спиной о помолвке. Так? Ага. И матери ничего не сказал, да только она это и так знала. Мысли прятать ты не умеешь. А Свиридов тебе место в Москве

пригрел и квартиру. Так вот не будет ничего! Я Антону сегодня письмо отправила. Скоро он всё уже узнает. Что смотрите? Съели?

Вронский ничего не понимая взъерошил волосы, потёр лицо ладонями, словно это могло вернуть привычный мир и лад в его семье, но ничего не изменилось. Перед ним всё так же смотря с вызовом стояла Анастасия, а на тахте схватившись за сердце сидела бледная как сама смерть Валентина. Он не понимал, или не желал понимать большую часть из того что услышал. Мужчина, которого после пяти лет войны, в мирное время собственная дочь в один миг выбила почву из-под ног, мог теперь думать лишь об одном:

– Кто он?

– Какое тебе дело?

– Кто он! – с нажимом повторил Вронский и наблюдавшей за этим со стороны Валентины сжалось сердце: дочь играет с огнём, отец уже почти готов не просто ударить, а избить... убить...

– Не важно. Не волнуйся. Тебя не опозорю, – спокойно поворачиваясь к отцу спиной произнесла Настасья. – Я уйду. Мне дадут комнату, я нашла работу. От вас мне ничего не надо, – говоря это она прошла мимо матери, и взяв в руки стоящий возле двери чемодан, который она якобы заготовила для поездки, добавила: – Катитесь в свою Москву.

Звук захлопывающейся двери, отозвался набатом в голове Валентины. Мысли метались, словно раненые птицы. Казалось часть её... тела, души... вырвали, оставив кровоточащие раны. Ядовитые слова дочери жгли, но материнское сердце рвалось следом, желая остановить, вернуть. Но стоило шевельнуться, как взгляд серых глаз Вронского буквально испепелил женщину, парализовав её волю. Мужчина был настолько зол, что впервые со дня их знакомства Валентина не видела его мысли, вместо них витал плотный клубок кроваво красного тумана. Это видение пугало. Пугало больше чем всё пережитое за долгие годы блокады.

Вронский отклеившись от стены, о которую упирался после ухода дочери, молча, не удостоив жену взгляда удалился в их комнату. Валентина беспомощно посмотрела на сборную занавеску из кусочков бамбукового дерева закрывавших выход из квартиры. В ушах до сих пор эхом отдавался сухой механический щелчок дверного замка. В углу одиноко ютились никому теперь не нужные чемоданы.

Так и не решившись войти в комнату, Валентина прошла на кухню. Сознание по-прежнему разрывалось, ища компромисс в сложившейся ситуации. Идеи были одна бредовее другой, и отменялись по причине невозможности их реализовать. Так пребывая в неопределённости она и задремала свернувшись клубочком на кухонном кресле-уголке.

Проснувшись Валентина с первыми лучами солнца. В квартире царила тишина. С тоской вспомнились события вчерашнего вечера. Мелькнул огонёк надежды: может Настасья одумалась, вернулась, но не решилась будить её?

Женщина вышла в коридор и замерла. Дверь в их с мужем спальню была открыта, а вместо двух небольших чемоданов в углу ютился один единственный – её. Нехорошее предчувствие чиркнуло словно лезвием по нервам. Женщина заскочила в принадлежавшую им с супругом комнату. Дверцы шкафов открыты, ящики комода выдвинуты. Вещей Вронского нигде не было. Даже кипы бумаг, за которыми тот порой засиживался допоздна, исчезли.

Валентина закрыла лицо руками, словно это могло что-то изменить в окружающем её мире, и прислонилась спиной к стене с тихим, похожим на скулёрж стоном съехала на пол. Хотелось плакать. Но глаза оставались сухими. Надо было что-то делать, но в голове царила пустота. Посидев немного, женщина направилась на кухню. Как ни в чём не бывало поставила чайник на огонь. Достала три блюдца, кружечки. Из кладовки появилась баночка «драгоценного» земляничного варенья, и большая часть её содержимого очутилась в глубокой пиале. Заварился свежий чай.

Будничные, привычные действия отодвинули на второй план всё плохое. Казалось вот сейчас выйдет сонно улыбающаяся Настасья, а следом и муж... но никто не появлялся. Валентина неспешно потягивала уже четвертую кружку почти остывшего чая. Ложечка скребла по стенкам пиалы, подбирая последние капли варенья. Заглянув в хлебницу женщина отметила, что надо бы сходить в магазин.

Так за бытовыми мелочами прошла неделя. Приехали с работы узнать: что случилось. Не найдя оправданий (да и не особо стараясь их отыскать, всё это казалось мелочной суетой), Валентина получила выговор. Теперь она ходила на некогда любимую работу для галочки. Жизнь потеряла смысл и краски. Коллеги и соседи косились, шептались за спиной, но в лицо ничего не говорили. Она знала, что стала притчей во языцех. Ещё бы! Вронским завидовали многие: дружная, любящая семья, дочь умница и красавица и тут такой поворот – дочь не ясно где, муж ушел.

В результате активного участия в жизни блокадного Ленинграда и перенесённую тогда же тяжелую болезнь, ей прочили досрочный выход на пенсию, но ранее Валентина и думать не хотела о том, чтобы расстаться с любимой работой, теперь же ждала этого дня, мечтая уехать подальше от этого города, от всего что напоминает о прошлой, счастливой жизни. Пять лет до пенсии пронеслись как один монотонный, унылый сон. За эти годы пришла весть о гибели мужа, о его тяжелой жизни после ухода, нашлась по-прежнему нежелающая видеть собственную мать Настасья, не позволившая Валентине даже с внуком повидаться, о котором было известно имя мальчика – Степан.

Выйдя на пенсию, Валентина собрала свои нехитрые сбережения и поехала навестить единственную дальнюю пожилую родственницу, жившую на побережье Азовского моря. Пожилая женщина встретила её с радушием. Валентина с порога обратила внимание на нищету царящую в огромном для одного человека доме, хозяйка которого без преувеличения перебивалась с хлеба на воду, на свою копеечную пенсию. Вдвоём было веселее, и по возвращении домой, Валентина не задумываясь пустила постояльцев в Питерскую квартиру и вернулась обратно. Теперь на две пенсии и получаемые от квартирантов деньги, женщинам с лихвой хватало на безбедную жизнь.

Очень странной была приютившая Валентину пожилая женщина. Видимо сказывалось долгое одиночество, а может и то, что она едва видела одним глазом, второй слепо тарасился бельмом. Порой казалось, что для неё не существует времени, преград и расстояний, что она знает всё наперёд. Случалось, она сидела поздно вечером в комнате, куда не доносилось ни единого звука с улицы, и вдруг произносила:

– Там за холмом машина сломалась. Сходила б ты Валюша, ночлег людям предложила. Ночью гроза будет, что им под открытым небом мокнуть в такую погоду?

Сомневаясь, что встретит там кого-либо, Валентина в первый раз не желая расстраивать старуху, послушно взяла керосинку и пошла по дороге в сторону далёкого холма. В пути размышляя о том, что если люди там есть, то в машине вполне можно и дождь переждать. Да и будет ли он, тот дождь? Небо-то вон чистое, звёздное. И действительно в полутора километрах от дома обнаруживалась машина. Узик, без тента с открытым верхом, а поздно ночью как по заказу разразилась нешуточная гроза. С той поры Валентина беспрекословно слушалась хозяйку дома. И самое главное, она была единственным человеком, чьи мысли невозможно было прочесть.

Валентина порой наведывалась в свою старую квартиру, менявшую квартирантов как перчатки. Порой пыталась наладить отношения с по-прежнему не желающей даже слышать о ней дочерью. А в один из приездов узнала, что внук собирается жениться. Вроде бы радоваться надо. Да только что-то подсказывало ей, что не будет добра от этого брака. Всё её существо было против. Но дочь отказывалась слушать бредни выжившей из ума старухи, а внук вообще воспринял её как постороннюю сумасшедшую и лишь отмахнулся.

Так и вышло. Чуть больше года прошло и приютившая её родственница как-то утром сказала:

– Поздравляю Валенька, ты теперь прабабушкой стала. Счастливая. У меня вот никого кроме тебя и нету. Только не будет счастья девочке. С материнской стороны у неё привязка сильная. Силы с неё тянут. Убить это не убьёт, но и жизни не будет, – завершила она, и на все последующие вопросы Валентины упорно отмалчивалась.

Почти сорок лет прожили они бок о бок. В первые годы приватизации дом оформили в собственность, и хозяйка отписала наследство на Валентину. Словно знала как всегда, что недолго ей землю топтать осталось. Хотя тут и удивляться нечего. Умерла она в почтенном возрасте ста восьми лет.

Смерть родственницы Валентина запомнила на всю жизнь. Нет, та не мучилась, не страдала долго, она просто затеяла в доме генеральную уборку, поменяла постельное бельё, перестирала всё что считала нужным, а прочее почему-то сожгла, после чего устроила помывку. Посидела за кружкой чая, говоря странные вещи, словно напутствовала Валентину. Расправила кровать, легла и попросила принести ей водицы свежей из колодца. Испив, со словами: «Валенька, возьми...», вернула стакан. Руки на мгновение соприкоснулись и Валентине померещился треск шаровой молнии, даже в воздухе казалось запахло озоном. Она ничего не понимая смотрела на горящие, словно обожженные кончики пальцев на своей руке и не сразу обратила внимания на то как умиротворённо уснула хозяйка дома. Лишь поздним утром Валентина почувствовала неладное, когда, обыкновенно поднимавшаяся ни свет, ни заря пожилая женщина так и не вышла из комнаты.

С той поры начали происходить с Валентиной странные вещи. Она чувствовала изменения погоды. Не по болях в суставах или перепадам давления, а просто знала: будет дождь или гроза.

Зрение начало катастрофически ухудшаться. Но в то время, когда она практически ослепла, мир обрёл новое виденье, которое не могло ограничиться расстоянием. Она словно ощущала, видела, чувствовала с одинаковой ясностью, что в двух шагах от неё, а что где-то в Питере с её правнучкой. И последнее пугало Валентину. То, что происходило за тысячи километров от неё было жутко, а больше всего выматывала беспомощность. Она помогала приболевшей скотине у соседей, могла вылечить приходивших к ней казалось бы безнадежных больных, но чем помочь правнучке не знала. И ещё – боялась.

Вскоре она поняла, что рано или поздно они встретятся. Где и при каких обстоятельствах, Валентина не знала, но была уверена, что это случится. Когда девочке исполнилось восемнадцать, Валентина с помощью соседей наведальась в районный центр, и переоформила всё своё имущество на Марию. Теперь она знала, как зовут девочку. Знала о ней почти всё. И ещё, она написала ей письмо. Валентина надеялась, что отвыкшие от непривычного занятия руки смогли воспроизвести необходимое и бережно хранимый ею листок бумаги нёс в себе информацию, а не являлся бессмысленным набором зигзагов и закорючек. Не раз она доставала его из секретера и гладила невидимые строки, вспоминая каждое слово, которое пыталась донести до сознания своей правнучки, и продолжала ждать.

Глава 5. Нереальная реальность

Маше вновь приснился сон. Особенно запомнилось отражающееся в озерной глади темное небо с россыпью непривычно ярких звёзд. В городе такого неба не увидишь, да и на даче она в последний раз была на исходе белых ночей, когда ночь определялась либо по часам, либо по плывущей в голубом небе луне. Душу наполняло ликование, ощущался непривычный прилив сил. Девушка, что-то тихо напевая, танцевала. Босые ноги ощущали прикосновения к мягкой траве. Каждое движение гибкого тела приносило непередаваемое наслаждение. А запахи! Какие же ароматные здесь травы! А доносимые слабыми порывами ветерка запах сосновой смолы и хвойного леса наполняли легкие, заставляя трепетно вздыматься девичью грудь.

Душу рвали противоречивые чувства: триумф, опьянение внезапно обретенной свободой... свободой? Даже во сне Маша попыталась понять, что значит это странное ощущение. Но только так это и можно было описать. Объяснения не существовало. Словно она была всем и ничем одновременно и вдруг обрела целостность. Пусть это временно, пусть мимолётно... девушка гнала эту мысль. Надежда на то, что всё получится, и она получит долгожданную свободу навсегда, не угасала. Время пришло. Она получит то, чего давно желала, но не могла взять. И даже затаённые в глубине сознания грусть и обида не могли омрачить её радость.

В отдалении послышался шорох. Кто-то слепо, но целеустремлённо продирался сквозь чащу. Страх не было. Она знала, кто это. Она ждала. Слишком долго ждала. Ветви заслоняющих выход с тропинки кустов раздвинулись, и на поляне появился он. Даже в ночи она чётко видела взволнованное лицо идущего навстречу молодого человека. Как же он красив! Подтянут, ухожен... да разве смела она мечтать о таком прежде? Она с брезгливостью вспомнила всех, кто был в прошлом. Грубое, неотёсанное мужичьё! Брезгливая гримаска исказила красивые черты девушки. От одного воспоминания начинало тошнить. То быдло не ценило счастья, выпавшего на их долю. Никогда больше она не опустится до отребья. Глаза идущего навстречу молодого мужчины горели страстью и вожделением. Его душа давно принадлежала ей, пришел черед тела. Она долгих десять лет набиралась сил, шаг за шагом ведя его к себе! И он пришел. Уверенный в том, что это его выбор. Пусть так. Не разубеждать же в заблуждениях?

Молодой человек неуверенно протянул руку и коснулся её щеки, девушка, словно ласковый котенок, ответила на прикосновение, и парень не вынес этой пытки. Разгоряченные страстью губы покрывали поцелуями её лицо, шею, возвращались к губам. Руки беспрестанно ласкали податливое женское тело. Вскоре страсть заслонила всё. Мир закружился в фейерверке эмоций и чувств. Запахи, звуки, цвета смешались как в калейдоскопе. Крик петуха огласил округу и... наваждение спало.

Тяжело дыша, Маша лежала на кровати в выделенной ей комнатке и, глупо улыбаясь, смотрела в потолок. Мечты... вот и сорвалась с цепи Снежная королева, – усмехнулась девушка, краснея от одного лишь воспоминания о своём видении. Она и не предполагала, что её подсознательно настолько влечёт к другу. Выходит, не зря она скучала, если долго его не видела? И буквально летала, когда он рядом? Так вот что такое – любовь...

Страхнув грезы, девушка вернулась в реальность и тут же с новой силой ощутила тревогу. С момента последней встречи с Витей прошло уже больше недели, но Маша была уверена: друг здесь, никуда не уехал. Откуда она это знала? На этот вопрос девушка не смогла бы ответить даже самой себе. Знала, и всё тут. За окном светало. Устав накануне, она уснула, не раздеваясь. Коса, благо, не расплелась, а значит, нет необходимости тратить время на сборы. Привыкшая за последний год к весьма активной жизни, Маша не могла пребывать в бездействии. Случившееся накануне выбило девушку из привычной колеи. Конечно, она и сама уже собиралась что-то изменить в своей жизни, но не столь же кардинально? Сколько она может находиться здесь без риска для жизни?

– Чёрт! – до неё дошло, что, явившись в этот дом, она подвергла угрозе живущих здесь людей.

Она во чтобы то ни стало найдёт Витю, и они вдвоём, как она надеялась, уедут куда-нибудь подальше. Сегодняшний сон показал ей, чего она лишала себя, изображая холодную недотрогу. И больше девушка не собиралась допускать эту ошибку. Для других – да, она останется Снежной королевой, для него – никогда!

Показав трижды язык в зеркало на удачу, девушка усмехнулась глупой привычке и, надеясь, что останется незамеченной, выскользнула из дома. Клавдии и потом соврать что-то можно будет, главное, сейчас не попасться. Не хотелось виновато хлопать перед старухой глазами, придумывая на ходу оправдания. Да не тут-то было: из скотного двора, подгоняя корову, вышла Светка.

– Куда это ты намылилась, – косясь на окна дома, приглушено поинтересовалась она.

Чёрт... и надо было так вляпаться-то ни парой минут позже, ни раньше... благо хоть не на бабушку нарвалась.

– Не спалось. Решила прогуляться, – отступая к калитке, так же тихо ответила Маша.

– Вот и чудно, – вполне искренне обрадовалась светловолосая. – Я сегодня Ромашку хотела подальше от деревни на выпас поставить. Тут и так всё вытоптано, да выедено. Составишь компанию? – девушка с надеждой посмотрела на недавно обрётённую сестру.

Было видно, что ей не хватало общения со сверстниками. Деревенька была маленькой, а молодежь в таких местах обычно не задерживалась.

Маша вздохнула. Как отказать и не обидеть? Делать нечего, согласилась, решив при первой же возможности слинять. Вскоре Света закрыла за ними калитку и погнала корову к дороге, ведущей в сторону запретного озера.

– Машк... я краем уха слышала... но ты в город умчала... а у бабки спрашивать я побоялась... – выйдя за околицу неуверенно залепетала девушка.

– Не юли, – не выдержала витающая в своих собственных мыслях Маша, выслушивать долгие вступления ей не хотелось.

– Ты вроде как на озере была?

Маша утвердительно кивнула, и в глазах девушки мгновенно засветилось уважение: – Ух ты! И как там?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.